

Часть II

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ФОНАРЕВЫХ

Глава I

**ФОНАРЕВЫ В ПЕРЕПИСНЫХ ЛИСТАХ
И РЕВИЗСКИХ СКАЗКАХ**

После присоединения Польши к России отмечился значительный рост еврейского населения в Витебской губернии, особенно в Латгалии. Вырос и клан Фонаревых. Это отразилось в результатах переписей и ревизских сказок.

Анкеты Всероссийской переписи 1897 года, выписки из переписей и ревизских сказок евреев, начиная с 1816 года, были получены нами из ГИАЛ и НИАБ (Национальный исторический архив Белоруссии). Повторение одинаковых имен в соответствии с еврейскими обычаями называть вновь родившихся по именам умерших предков, подтверждает версию, что все латгальские Фонаревы находились в родственных связях и имели общего предка.

Ревизская сказка евреев-мещан г. Режица за 1850 год:

Фонарев Ицик Янкелевич – 49 лет – (наш прапрадед)

Его брат Мовша – умер в 1849 г. в возрасте 75 лет

Сыновья Ицика: Завель – 29 лет (наш прадед), Идель – 19 лет,

Янкель – 15 лет

Жена Ицика – Хая Сора – 48 лет

Жена Завеля – Сара – 28 лет

По ревизским сказкам 1816 г. и 1834 г. (Согласно НИАБ):

Фонарев Шлиома Янкелевич – 1798 г.р.

Жена Шлиомы – Бейля – 36 лет
 Дочь Шлиомы – Сара – 17 лет
 Дочери Шлиомы – Ента, Ревза, Фрейда, Песя
 Сын Шлиомы: Елиокум Мовша – 20 лет (когда он родился, Шлиоме и Бейле было по 16 лет)
 Фонарев Файвиш Беркович в 1834 г. – 41 год (умер в 1842 г.)
 Жена Геська – 30 лет
 Сын Берка – 17 лет
 Дочери: Хана – 11 лет, Геся – 8 лет, Тууба – 3 года
 Жена Берки – Дворка – 17 лет

По ревизской сказке евреев-мещан г. Люцина за 1850 год:

Фонарев Шлиома Янкелевич, в 1850 г. – 50 лет
 Сыновья Шлиомы: Моисей – 34 года, Меер-Менахем – 12 лет
 Михаэль-Гавриель – 12 лет

Ревизская сказка мещан-евреев г. Люцина за 1858 год (согласно НИАБ)

1. Фонарев Берка Фейвишович, отдан в рекруты в 1855 г. в возрасте 38 лет
2. Перечисленная в Екатеринославскую губернию на хлебопашество в 1853 г. семья Фонарева Мовши Шлемовича в составе:
 Жена Мовши – Сара Исаева – 30 лет
 Сын Мовши – Меер – 11 лет. Дочь Фейга – 7 лет
 Братья Мовши: Меер-Менахем – 15 лет, Михаэль-Гавриель – 12 лет
3. В Екатеринославскую губернию в 1853 году перечислены Болона Ицик Лейзерович – 29 лет и его шурин Давид Фонарев – 29 лет
4. В Херсонскую губернию в качестве земледельцев переведены:
 Фонарев Абрам Янкелевич и его сын Гирша

По ревизской сказке в г. Режица в 1874 году проживало евреев мужского пола (согласно НИАБ):

1. Фонарев Абрам Данилевич и его сыновья: Даниил, Лейба, Лейзер-Янкель
2. Фонарев Берка Лейбов, 41 год, бессрочно отпускной рядовой
 Его сын Давид – 1 год
3. Фонарев Иосель Марков – 24 года
4. Фонарев Меер Мовшев – 32 года

Список евреев-земледельцев, проживавших в 1-м стане Люцинского уезда в 1874 году:

1. Семья нашего прадеда Фонарева Завеля Мовши – 52 года:
 Сыновья Завеля: Янкель – 28 лет, Ной – 19 лет
2. В корчме Купора семья Залки – сына Завеля Мовши Фонарева.
 Сыновья Залки: Бенцион – 7 лет, Ицик – 2 года
3. Колония Мортули, брат Завеля Мовши Ициковича
 Фонарев Идель Ицикович
 Его сыновья: Иосель – 18 лет, Файка – 15 лет, Исер – 7 лет

(Следует пояснить, что стан, колония и корчма – виды поселений)

В списке евреев, проживавших в 1-м стане Люцинского уезда в 1894 году перечислены семьи нашего деда Залки, его братьев Янкеля и Ноя, их ближайших родственников Иделя Ициковича и Янкеля Ициковича Фонаревых.

1. Фонарев Залка Мовшев – земледelec
 Его жена – Рося Лейбова
 Их дети: Бенцион, Ицик, Шевель, Лейба, Мовша, Израиль, Песка, Фрумка, Шейка-Ривка
 Залка Мовшев занимался хлебопашеством и торговлей вином в деревне Нерза с 1868 года (затем в деревне Березовка)
2. Фонарев Янкель Мовшев, в деревне Нерза, земледelec,
 его жена – Райна, дети – Залка, Рафаил, Моисей, Израиль, Мордух-Шлимель, Михля
3. Фонарев Ной Мовшев, в деревне Нерза, земледelec,
 жена – Ривка Шмуйлова, их дети – Файка-Хаська, Сара, Хана
4. Фонарев Идель Ицикович, хлебопашец, в деревне Мортыни,
 его жена – Минда Иоселевна и их дети – Иосель, Файка, Исер, Лейка, Идка, Тауба, Хася
 Жена Файки – Фейга, их дочь – Сора
 Жена Исера – Сора-Ривка
 Жена Иоселя – Ита-Брайна, их дети – Хаим и Хава-Сора
5. Фонарев Янкель Ицикович, также в Мортыни, земледelec с 1868 года, жена от 2-го брака – Эстра, сыновья – Фон (это имя наводит на мысль о происхождении фамилии ФОНАРЕВ), Эля, Ицик, Лейзер,

Наен, дочь – Ривка
Жена Фони – Хая-Сора, их дочь – Сифра

В селе Рунданы:

6. Фонарев Сроль Моносов, режицкий мещанин, с 1881 года проживал в селе Рунданы, жена – Сроля Шерка, их дети – Абрам, Берка, Иосель, Мона, Ицик, Менуха, Липка

Список еврейских семей, приписанных к мещанскому окладу г. Люцина, составленному в 1874 году и позже дополненному (согласно ГИАЛ):

1. Ура-Ицик Эльяшевич Фонарев, родился в 1834 году, умер в 1904 году, его жена – Хаська, 1835 г.р., их дочери – Ривка, Розель, Зайдель, Малка, Сора, Бася и сын Эльяш (Элия-Эфроим) 1868 г.р.
Жена Эльяша – Фейга Мееровна и их дети – Соломон, Мордухай, Зелик, Арон и Нохим
Другие дети Ура-Ицика Эльяшевича (так указано в переписи, возможно, это дети от второго брака): Сын Иосель, 1873 г. р.
Дочь Нохамы-Зельды, 1877 г.р., Сын Лейба, 1883 г.р.
2. Фонарев Меер Мовшевич, 1843 г.р.
Его мать Сора Фонарева, 1821 г.р.
Жена Меера – Хая-Лея
Дочери Меера – Дворка и Элька
3. Брат Меера – Янкель Мовшевич Фонарев 1852 г.р.
Жена Янкеля от 2-го брака – Марьяся Абрамовна
Их дети: Элиокум-Меер – 1878 г.р., Абрам, Израиль-Гирш
Дочь – Рейза-Бейла, 1885 г.р.
4. Фонарев Берка Файвиш в 1874 г. – 56 лет
Его жена – Хайка
5. Фонарев Моруд Иоселев – 56 лет
6. Фонарев Хаим Лейба – 37 лет
Его сыновья: Даниель – 8 лет, Абрам Ицик – 5 лет, Иосель – 2 года
7. Фонарев Шмуйла Даниелев – 55 лет
Его сыновья: Лейба – 34 года, Давид – 23 года, Даниель – 16 лет

В списке евреев мужского пола г. Люцина за 1875 год:

1. Фонарев Берка Файбишевич – 68 лет
2. Фонарев Урий-Ицик Эльяшевич – 48 лет

3. Фонарев Вульф – 35 лет, его сыновья: Зелик-Мордух, Хаим, Шмуйла, Ицик-Мейер
4. В этом же списке указано, что сын нашего деда Залки (старший брат нашего отца Израиля), Бенцион, которому в 1875 г. было 7 лет, учится в школе

Список переписи 1898 г. мужчин-евреев г. Режицы, для учета военнообязанных. Позднее список дополнялся именами вновь родившихся лиц мужского пола (составлен на основе подлинных списков присланных из ГИАЛ):

1. Фонарев Берка Иосилев – 79 лет
Его брат Мордух – 78 лет
Сын Мордуха – Иосель Вульф – 46 лет
Сын Иоселя-Вульфа – Абрам-Юда – 19 лет
2. Сроль (Израиль) Мунусов Фонарев – 1851 г.р., поступил на воинскую службу в 1871 г.
Сыновья Сроля: Абрам, Файв-Бер, Иосиф, Ицик, Пинхус
Брат Сроля – Завель – 46 лет
3. Фонарев Абрам Даниелевич – 79 лет
Его сын Даниель – 39 лет. В 1876 г. принят на военную службу, затем возвращен и зачислен в запас
Сын Даниеля – Хаим-Борух – в 1898 г., причислен к призывному участку г. Двинска в 1910 г.
4. Фонарев Лейба Шмуйлов – 56 лет
Братья Лейбы: Давид Шмуйлов – 45 лет, Даниил Шмуйлов – 39 лет
Даниил Шмуйлов в 1878 г. зачислен в ополчение
Сын Лейбы Шмуйлова – Мовша-Гиш, 1896 г.р.. К призыву 1907 г. не явился.
Сын Давида Шмуйлова – Лейба, 1898 г.р.. За Давида Шмуйлова в 1874 г. поступила выкупная квитанция
5. Фонарев Сроль (Израиль) Янкелев – 99 лет, 1799 г.р.
Сыновья Сроля: Давид – 60 лет, 1838 г.р., Ицик – 62 года, 1836 г.р.
Сын Ицика Сролевича – Ханон
Сын Ханона Ициковича – Ицик, 1878 г.п., на призыв 1899 г. не явился.
2-ой сын Ханона – Мовша-Гирш, 1887 г.р., по призыву 1908 г. не явился.
Сын Давида Сролевича, Янкель, сослан в Сибирь, исключен из

общины за недостойное поведение

Другой сын Давида Сролевича, Рувка Давидов, 36 лет, в 1881 г.

зачислен в ополчение

Еще один сын Ицика Сролевича, Симка Ицикович, 29 лет, в 1888 г.

зачислен в ополчение 2-го разряда

Сыновья Симки Ициковича: Ханон-Янкель – 1893 г.р.,

Гершон – 1904 г.р.

Сын Рувки Давидова, Шмуль Мендель, 17 лет, по свидетельству

1900 г. освобожден от воинской службы

Представленные перечни членов семей Фонаревых далеко не полны. По письму ГИАЛ в архиве имеются еще переписные листы только по г. Режица примерно на 150 человек. Письма ГИАЛ №3-F-6607, 3-A-6608 от 16.12.2002 имеются в архиве авторов.

О том, где жили Фонаревы, об истории Латгалии и Лудзы во 2-й главе.

* * *

Часть II: Глава 2

ЛАТГАЛИЯ – ФОНАРЕВСКИЙ АРЕАЛ

Об истории Латгалии и Лудзы.

О памятных книжках Витебской губернии.

Латгалия – одна из областей Латвии, находилась под властью Польши до ее первого раздела в 1777 году. Евреи стали прибывать в Латгалию позднее, чем в другие части Латвии. Этому способствовали отдаленность от крупных центров Польши и Литвы, близкое соседство с Россией, враждебно относившейся к евреям, а также экономическая отсталость Латгалии.

Лишь во 2-ой половине XVII века в Латгалии осела некоторая часть польско-литовского еврейства, уцелевшая от погромов Богдана Хмельницкого и бесчинств русско-казацкого войска, вторгшегося в Польшу.

По-видимому, в это же время в Латгалии появились первые представители семейства Фонаревых. Сравнительно благоприятные условия жизни в Латгалии способствовали значительному росту фонаревского клана. Уже в тридцатые годы XX века здесь жили в городах, местечках и в сельской местности более сотни семей Фонаревых. Ряд деревень населяли Фонаревы-земледельцы.

Большое число фонаревских семей расселилось в Лудзе и Лудзенском уезде Латгалии. Среди них и наши прямые предки, в том числе прапрадед Ицик Янкелевич Фонарев.

В 1936 году в Риге была издана книга В.П. Сахарова об истории Лудзы с древнейших времен. Приводим оттуда выдержки:

С приходом в Латгалию орден ливонских рыцарей укрепил свои позиции, построив замки в Даугавпилсе (1275 г.) и Лудзе (1399 г.). В 1558 году Московское войско под началом князя Григория Темкина входит в Ливонию, захватывает и опустошает Лудзенский замок и город Лудзу.

В 1582 г. замок Лудза вновь отходит к Польше. По ревизии 1599 г. поселение около замка насчитывало 24 избы.

В 1654 г. воеводы царя Алексея Михайловича, Салтыков и Елагин, осадили Лудзу, и польский гарнизон сдал город. После присоединения к России в 1772 г., Лудза входит в состав Полоцкого наместничества.

В 1796 г. Лудза оказывается в составе Белорусской губернии, образованной при слиянии Полоцкого и Витебского наместничеств.

В 1802 г., при разделе Белорусской губернии на Могилевскую и Витебскую, Латгалия вошла в состав последней, вплоть до образования Латвийской республики в 1920 году.

По списку 1765 г. в тогдашнем местечке Лудза 43 домохозяина на 38 земельных участках, подлежащих обложению.

Евреев в местечке Лудза в то время было всего две семьи, которые держали торговые лавки («крамки»).

В 1772 г. в Лудзе насчитывалось около 230 человек.

В 1784 г. Лудза насчитывала уже 1491 жителя. Было 104 двора, был дом еврейской синагоги.

В 1848 г. – 2354 жителя и 419 домов, в т.ч. 2 каменных.

1 августа 1866 г. – большой пожар уничтожил почти полгорода. Но в 1868 г. число жителей уже достигло 3578, из которых 1915 евреев.

В 1886 г. было 5884 жителя (в уезде 95708).

По первой Всеобщей переписи в Российской империи 1897 года в Лудзе 5140 жителей; в 1905 г. – 5870 жителей и 564 дома, в т.ч. 16 каменных.

К 1914 г. население выросло до 7100 человек.

Согласно переписи 1897 г. и позднейших переписей, в Лудзе и уезде было:

Дата переписи	1897г.	1920 г.	1925г.	1930 г.
Всего в г. Лудза	5140	5044	5559	5359
В т.ч. евреев	2801	2050	1907	1634
Всего в уезде	123015	139426	90130	90227
В т.ч. евреев	3450	5010	3649	3272

В 1865 г. открылась школа русской грамотности для евреев, в которой было 62 учащихся.

В этом же году была открыта религиозная школа для евреев – «Талмуд-Тора». К 1914 г. Лудза и ближайшие окрестности обслуживались четырьмя начальными школами, в т.ч. одной женской еврейской приходской, и

такой же мужской.

1-го сентября 1932 г. создана новая смешанная школа для всех национальностей со 140 учащимися.

В 1917 г. открылась гимназия, дававшая среднее образование. До этого все школы были начальными. В гимназии и среди ее выпускников значительное число составляли евреи. В 1922-23 учебном году гимназия разделась на две средние школы – еврейскую и белорусскую

Еврейская гимназия была открыта по типу коммерческой школы.

Однако с 1922 по 1933 г. число учащихся уменьшилось со 114 до 50. В связи с этим гимназия была закрыта, а еврейская молодежь главным образом обучается в Лудзенской правительственной гимназии.

В 1883 г. В. Суер открыл первый книжный магазин, при котором была библиотека. В 1888 г. в ней насчитывалось 1116 томов, а посещало ее 44 читателя.

Во вновь открытой затем библиотеке в 1935 г. – 3300 книг, в т.ч. 2500 на русском языке.

В 1907 г. местный старожил и содержатель книжного магазина В. Суер открывает типографию.

В первую мировую войну 1914 г., во время немецкой оккупации, типография Суера печатала бюллетени и «Последние новости».

В 1926 г. в типографии печатались на иврите труды Лудзенского раввина Э. Дон-Иехия «Комментарии к учению о иудейской религии», которые пользовались широкой популярностью среди еврейства во всем мире.

По ревизии населения 1847 года вся Латгалия насчитывала 11 тысяч евреев, по переписи 1897 года – 64,2 тысячи, а по всей Витебской губернии евреев 175,6 тысяч или 1,8% от всего населения.

Многое по истории Витебского края включают «Памятные книжки», издававшиеся в каждой губернии с 1860-й по 1914-й год, в том числе и в Витебской губернии.

Они дают представление о системе административного управления, показывают некоторые элементы жизни и быта населения, в том числе и евреев.

В каждой книжке давалось географическое описание, назывались реки, климат, народонаселение, состояние сельского хозяйства, ремесел, промышленности в целом по губернии. Приводились все губернские учреждения, их полный штат с указанием должностей и фамилий лиц, их занимающих. Тоже по каждому уезду.

К примеру, в «Памятной книжке» за 1866 год, по Люцинскому (Лудзенскому) уезду приводятся следующие должностные лица:

Во главе полицейского управления стоял уездный Исправник Сведерус Иван Семенович, штабс-капитан, имеющий орден Святой Анны 3-ей степени с бантом, лютеранского вероисповедания, воспитанник Кадетского Корпуса, вдов, годовое содержание 1500 рублей, 37 лет от роду, срок службы 18 лет.

Такой же оклад получал его помощник Елагин. Годовой оклад постоянного заседателя – 280 рублей, секретаря – 400 рублей, четыре столоначальника имели оклады по 200 рублей.

В полицейское управление входили станковые приставы 1-ого, 2-ого и 3-его стана с окладами по 900 рублей каждый.

Перечисляются входившие в городские управления кроме прочих и евреи. Так из «Памятной книжки» за 1864 год мы видим, что гласным Люцинской думы был Левин Зелик Ицкович, старостой думы – Альтгаузен Лейб Янович. В ратманах Люцинского магистрата состоял Суер Янкель Вульфович, упоминаются Суеры и в более поздних документах.

Следует упомянуть Столбашинского Петра Ивановича, занимавшего должность бургомистра. Возможно, Сергей Столбашинский, муж Сары Левиной, из того же рода. Но об этой семейной паре из современной Лудзы, помогавшей нам при поиске погибших родственников, расскажем позднее.

В «Памятной книжке» за 1866 год сообщается, что из трех депутатов квартирной комиссии от мещан-евреев избран Левин Шевель Лейбович, из трех гласных Люцинской Городской Управы два еврея – Левин Зисель Мордухович и Кист Берл Залманович, членом оценочной комиссии – Суер Шевель Львович. В Городском Магистрате из пяти ратманов два еврея: Левин и Равдель. В Уездном суде и Дворянской опеке евреев не было.

Среди чиновников и депутатов мы видим Столбашинского Ивана Петровича в качестве члена уездной управы, и Суера Хацкеля Янкелевича, представляющего библиотеку и народное попечительство.

Изучая историю Лудзы и Лудзенского уезда, мы неоднократно видели в «Памятных книжках» губернии фамилии Суер и Левины. Видимо к потомкам последних относится Сара Левина.

Хотим отметить, что в живых среди евреев после немецкой оккупации Лудзы остались: директор типографии Семен Суер, его жена Гертруда и их дочь Мелита, заведующая аптекой Ольга Савельевна Гришкан.

О их судьбах мы узнали из книги «Холокост в Латгалии», изданной в Даугавпилсе в 2003 году. Об этом мы расскажем в разделе, повествующем об уничтожении евреев в Лудзенском уезде.

Сведения об основном центре расселения Фонаревых, городе Люцине (Лудзе), по данным 1905 года, в следующей 3-й главе. Собраны они летописцем Витебского края Сапуновым А.П.

* * *

Часть II: Глава 3

УЕЗДНЫЙ ГОРОД ЛЮЦИН (ЛУДЗА)

Сведения об экономическом положении Лудзы (Люцина) и уровне жизни населения в 1905 году даны в книге «Список населенных мест Витебской губернии», изданной в 1906 году в Витебске:

Величина заселенной площади города – 118 десятин и пригородной слободы «Юриздика» – 56 десятин.

Улиц и переулков – 22, протяженность улиц и переулков – 6817 сажень, мощенных улиц – 2990 сажень, тротуаров – 1800 сажень.

Площадей три, размером 2 десятины 204 квадратных сажень, два общественных сада площадью 1480 квадратных сажень.

Домов в городе – 537. Из них: деревянных – 506, каменных – 16, полукаменных – 15, крытых железом – 20, деревом – 517.

Освещение улиц производится керосином, фонарей 70, из них городских – 55 и частных – 15.

Водопровода нет, жители пользуются водою из озера и колодцев. Канализации нет; удаление нечистот производится ассенизационным обзом.

Городская пожарная команда из 4 служителей, вольно-пожарная дружина из 96 человек имеет одну паровую машину, 6 ручных и 10 конных бочек.

На скотобойне убивается крупного скота 1800 и мелкого до 2500 штук.

В городе православный собор, костел, лютеранская римско-католическая каплица и 8 еврейских молитвенных домов. Кладбище – 3.

Учебных заведений 5 низших, из них 3 мужских с 179 учащимися, женских – 2, учащихся – 65.

Библиотека имеет 150 абонентов, читальня попечительства о народ-

ной трезвости до 800 посетителей в год.

Больница земская на 24 кровати, аптека, аптекарских магазинов – 2.

Врачей в городе – 3, ветеринар – 1, акушерка – 1, повивальных бабок – 2, фельдшеров – 3.

Гостиниц – 5, харчевен и постоялых дворов – 9.

Фабрик и заводов – 7, рабочих в них – 340, сумма производства – 20500 руб.; ремесленных заведений – 35, ремесленников – 303. Главный промысел евреев – торговля, а христиан – хлебопашество и огородничество.

Благотворительная деятельность выражается в призрении бедных. Из городских сумм выдается бедным мешанам-христианам до 600 руб. и евреям из коробочного сбора до 1200 руб. в год. Имеется уездное попечительство о народной трезвости.

Сберегательных касс – 2: при уездном казначействе и почтово-телеграфной конторе.

В городе 4 агента страховых обществ.

В общественном собрании имеется сцена для любительских спектаклей.

Постоянных складов: хлебных – 6, лесных – 2 и пивных – 2.

Ярмарок в городе бывает 6 в год. Главная торговля лошадьми и сельскохозяйственными продуктами, сумма оборота до 30000 руб.

В городе есть нотариальная контора, типография и две фотографии.

Легковых извозчиков – 25, ломовых – 20, такса для них имеется.

Средняя стоимость аренды квартир в год: больших, до 8 комнат – 300 руб., средних, до 5 комнат – 180 руб., малых, до 3 комнат – 80 руб.

Цены и заработная плата

Все стоимости указаны в копейках за один фунт

(приблизительно 400 грамм).

Стоимость в розничной продаже: ржаного хлеба – от 2 до 2 ½ к., пшеничного – от 4 до 6 к., соли – 1 ¼ к., мяса лучшего сорта – 12 к., худшего – 10 к., сахара – 16 ½ к., керосина – 4 ½ к., стеариновых свечей – 26 к., 1 кубич. сажень дров березовых – от 18 до 20 р., смешанных – от 16 до 18 руб.

Наемная плата прислуге: мужской – 60 руб. и женской от – 36 до 48 руб. в год, при готовом столе. Чернорабочим мужчинам – от 50 к. до 1 руб., женщинам – от 25 до 50 к. в день.

Нищих в городе 50 человек.

Штат городской полиции: полицейский надзиратель – 1 и городских – 12.

Городской земли: 573 дес., неуд – 9 дес.; кроме того, особого рода угодий (воды) – 211 дес.

Доход города в 1904 г. – 16130 руб. 93 коп., расход – 16119 руб. 24 коп.

Следующая, 4-я глава, посвящена истории и описанию еврейских кладбищ в местах основных поселений Фонаревых – Лудзе и Зилупе.

* * *

Часть II: Глава 4

О ЕВРЕЙСКИХ КЛАДБИЩАХ В ЛАТВИИ

Говоря об истории евреев вообще, и Лудзы в частности, нельзя не упомянуть о национальных кладбищах – существенных элементах иудейской общины.

В 2006-м году в Риге вышла книга-альбом Мейера Мелера, которая так и называлась – «Еврейские кладбища в Латвии». В сборнике они описаны все.

Мы приводим описание двух из них – в городах Люцине и Зилупе.

На кладбище в Люцине (Лудзе) покоятся останки нашего деда Залки Фонарева и многих других родственников, живших в окрестностях этого города. После 2-й Мировой войны здесь же захоронены Фонаревы, погибшие во время Холокоста в Лудзенском районе.

В приведенных ниже текстах сборника Мелера сказано, что книга не является историей еврейских общин Латвии, хотя содержит малую толику исторических сведений по каждой из затронутых в ней общин.

Эта книга – плач души по забытым евреям Латвии, которые пропитали эту землю своим потом и кровью. Это напоминание о том, что человек жив, пока живет память о нем. Это призыв вспомнить и сохранить память о своих предках, чтобы наши потомки – дети, внуки и правнуки знали, кто были их родные и близкие, т.е. свои корни.

О том общем, что было свойственно всем еврейским общинам Латвии:

Когда евреи поселялись в каком-либо месте, то первое, что они делали, – это арендовали помещение для синагоги, и только спустя некоторое время начиналось строительство синагоги.

Далее создавалось общество «Хевра-Хадиша» («Священное товарищество»), которое занималось погребением по еврейским канонам. Создание кладбища сопровождалось большими трудностями, так как было связано с приобретением недвижимости, что евреям не позволялось. Так, до 1725-го г., к примеру, рижские евреи хоронили своих покойников в Литве и Польше, евреи Малты – в Режице (Резекне), Динабурге (Даугавпилсе), евреи Мариенбурга (Алуксне) – в ближайших городах.

С ростом общины кладбища расширялись (как в Митаве (Елгаве) и Люцине (Лудзе) или закладывались на новой территории (как в Риге и Гробине).

Когда создавались кладбища, начинали писать хроники (пинкас) общины. С развитием общины создавались различные благотворительные организации, как, например, общество по уходу за больными «Бикур-Холим» («Посещение больных»). Создавались общества взаимного кредита. В 20-30-е гг. в Риге было более 20 благотворительных организаций.

Особое внимание уделялось образованию, и в большинстве своем еврейское население было грамотным. Мальчики учились не только в хедерах, но и посещали общеобразовательные школы, с трудностями поступали в гимназии. Высшее образование дети состоятельных иудеев обычно получали за границей, поскольку в Российской империи существовали очень сильные ограничения для евреев также и в области образования.

В описании почти всех общин указаны последние раввины. Подавляющее большинство их погибли в Холокосте.

Холокост – это отдельная тема. Надеемся, что вскоре у нас появится возможность издать книгу о местах уничтожения и захоронения евреев Латвии в годы Второй мировой войны. Сегодня работа по выявлению мест уничтожения и захоронения евреев нацистами и их местными пособниками еще не завершена, но мы уже знаем о существовании около 200 таких мест.

Во время нацистской оккупации местным «властям» было дано указание уничтожить еврейские кладбища, а после войны, в 50-х гг., на месте кладбищ создавали парки. Эта участь постигла и еврейские кладбища, одно из которых – Старое еврейское кладбище в Риге, стало парком Коммунистических бригад.

Кладбище в Люцине (Лудзе).

Используемое до настоящего времени кладбище в Люцине было заложено в первой половине XVIII в. Это одно из старейших еврейских кладбищ в Латвии занимает площадь около двух гектаров. Старая часть кладбища (использовалась в XVI-XVIII вв.), возможно, находилась в другом месте, чуть дальше вниз по ул. Я. Сойкана. Здесь был похоронен портной Моше Бен Давид, ставший мучеником за веру и сожженный на костре в 1765 году. Эта часть кладбища существовала до Первой мировой войны, до настоящего времени не сохранилась.

Благодаря активной деятельности таких раввинских семей, как Циюни и Донхины (Дон-Ихье) и их школ, Лудзу называли латвийским Иерусалимом. Первым раввином в городе был Зеев Вольф Альтшулер, избранный в 1786 году, последним – Бенцион Дон-Ихье.

Кладбище в Зилупе

Кладбище было заложено в 20-х гг. XX в. Сохранилось неполных три ряда захоронений. Из 40 захоронений примерно только на 20 есть надгробия. Имеется одна братская могила жертв Холокоста, где покоятся 26 человек.

Первым раввином Зилупе был Арон Бецалель (Цалель) Паул, который служил с 1906 по 1918 год. Последним раввином был Мендель Нехамкин (служил с 1921 года, погиб в Холокосте).

Из библиографии в книге Мейера Мелера «Еврейские кладбища в Латвии» (Рига, 2006 г.)

Донхин Б. Из прошлого еврейских общин в городе Люцине и его уезде // Еврейская старина. 1912. Вып. 2.

Смирин Г. Арон Пумпянский об истории евреев Лифляндии и Курляндии // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25-27 окт. 1999 г. Рига, 2000.

Траур // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8

Фейгманис А. Ранние сведения о евреях Латгалии (до 1825 г.) // Евреи

в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16-17 сент. 2003 г. Рига. 2005.

В книге использованы изобразительные материалы из фондов Музея «Евреи в Латвии», Латвийского государственного архива кинофотофонодокументов, Латвийской национальной библиотеки, Латвийской академической библиотеки, Лудзенского краеведческого музея, а также предоставленные Элиягу Валком (Израиль), Юрисом Ивансом, Клаусом Рексом (Германия), Иосифом Рочко, Александром Фейгманисом (историк-генеалог, e-mail: aleksngen@mailcity.com; моб. тел. (+3716416972).

В следующей, 5-й главе, о сложностях жизни евреев во вновь обретенном с 1772 года (раздел Польши) Российском отечестве и переходе рода Фонаревых в земледельцы.

* * *

Часть II: Глава 5

ЕВРЕИ – ГОЛОВНАЯ БОЛЬ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ.

ВЫТЭСНЕНИЕ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ.

ПОЛОЖЕНИЕ 1804 ГОДА О ЕВРЕЯХ. ФОНАРЕВЫ ПЕРЕХОДЯТ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ.

Еще до присоединения Латгалии к России в Польше разрабатывались проекты законов по привлечению евреев к земледельческому труду, но проекты оказались неосуществленными.

При польском правлении евреи имели автономный статус, определенную сословную замкнутость, и занимались традиционными промыслами.

Однако самодержавная царская власть сочла, что многие занятия евреев вредно сказываются на окружающем населении. Возникла тенденция «исправить евреев, переключить их на производительный труд, отвлечь от ряда традиционно сложившихся занятий: мелкой торговли, посредничества, арендаторства и шинкарства».

В результате, было выработано «положение для евреев», утвержденное 9 декабря 1804 года Александром I. В этом «Положении» евреи разделялись на 4 класса:

- 1) земледельцы
- 2) фабриканты и ремесленники
- 3) купечество
- 4) мещанство

По «Положению» евреям предлагалось занимать свободные казенные земли или приобретать их у помещиков. Позднее, чтобы привлечь большее количество евреев к земледелию, устанавливались определенные льготы: снимались недоимки, давались отсрочки от рекрутских повинностей. Позднее объемы льгот и помощь государства для евреев-

земледельцев увеличивались.

Следует отметить, что поощрялись, хотя и в меньшей степени, переход к купеческой деятельности, создание промышленных производств.

Затем евреям, положительно проявившим себя в сельском хозяйстве, разрешалось иметь подсобные промыслы, содержать торговые лавки.

Из архивных материалов мы видим, что Фонаревы-земледельцы одновременно занимались выделкой шерсти (шерстобой), торговлей зерном и другими сельхозпродуктами, содержали лавки. Видимо, оценка крестьянской деятельности Фонаревых была положительной.

Переход в землепашцы был далеко не массовым. В Латгалии, например, сельским хозяйством занялось лишь 3,3% еврейского населения.

Однако, многие фонаревские семьи решили стать земледельцами. Они осваивали территории вблизи мест своих поселений, в Витебской губернии, как это делали наши прямые родственники, начиная с прапрадеда Ицика Янкелевича. Наравне с другими евреями, Фонаревы направлялись на освоение тогдашних целинных земель в Новороссии, на юге Украины. Это видно из включаемых в сборники переписей и ревизских сказок, в которых также записаны наши предки, решившие заняться земледелием за пределами Витебской губернии.

Материалы о переходе Фонаревых в земледельцы прислал НИАБ.

Из Национального исторического архива Белоруссии (НИАБ) на основе архивных фондов «Витебская казенная палата», «Витебский комитет по разработке переписи евреев», «Витебский губернский комитет о евреях-земледельцах» был прислан ряд документов о Фонаревых, в том числе о наших прямых предках, пожелавших перейти в земледельцы. Среди них и наш прапрадед Ицик Янкелевич Фонарев.

Так, в справке из фонда № 2552 приводится:

«Прошение от 11 февраля 1853 года уполномоченного от режицких и люцинских мещан-евреев режицкого мещанина Вульфа Ицыковича Миренского Витебскому гражданскому губернатору о разрешении перечисления в земледельцы». В прошении приводится список режицких и люцинских евреев, желавших поселиться на казенной земле имения «Яноволь» в деревне Нерза, в который вписан Ицык (Ицик) Янкелевич Фонарев.

В деле Витебского губернского правления по прошению евреев г. Режицы о поселении их на казенных землях имения Яноволь Люцинского

уезда за 1852-1854 годы, среди подписавшихся также Ицик Янкелевич с семьей.

В этом же деле обнаружилось Прошение нашего прадеда, уже ставшего земледельцем, Фонарева Завеля Мовши Ицыковича, сына Ицика Янкелевича, которое приводим ниже, в той же орфографии:

Прошение земледельца Люцинского уезда казенного имения:

Яноволь, еврея из режицких мещан, Завеля Ицыковича Фонарева управляющему Витебской палаты государственных имуществ о выдаче пособия для заведения хозяйства от 23 марта 1854 года, где сказано:

«...Режицкий городничий, во исполнение предписания начальника губернии, понуждал меня к выбытию с моим семейством в г. Витебск для следования оттуда в Екатеринославскую губернию на хлебопашество, где и вынужден был я продать деревянный мой дом, скот и движимое имущество бесценно и отправился с семейством по открытому листу упомянутым городничим мне выданному, куда прибыл 14 истекшего августа.

Там начал я ходатайствовать в Комитет о евреях земледельцах о выдаче мне и семейству на время путешествия до Екатеринославля кормовых денег, но вместо того объявлено мне, что я должен воротиться и поселиться в Люцинском уезде в Казенном имении Яноволь, потому что по прежнему распоряжению онаго комитета, я вообще с прочими назначен туда и без пособия.

Правда, что я сперва, т.е. прежде бесценной распродажи моего имущества и передвижения семейства в Витебск, сам на то согласился, но потом, что все вырученные мной из моего имения деньги вышли на путевые до Витебска и на прожитие там (во время хождения моего о сем) с семейством 4 недели, я остался совершенно бедным, не предвидел никакой возможность обзавестись хозяйством без казны, ибо и на обратный из Витебска до Яноволья путь с семейством, нужны были мне расходы, а потому прибегая к Вашему Высокородию с поданной в сентябре месяце сего года запиской просил взойти в бедное мое положение и, уважая встретившееся мне несчастье, что даже никому не случилось, чтобы сбывться от хозяйства и волочиться с семейством 270 верст совершенно напрасно, отпустить мне сто рублей серебром на пособие для обзаведения хозяйства. На что я удостоился от Вашего Высокородия словесным ответом, что по прибытии моего на место поселения и запашке части от-

веденной мне земли, таковое Вами будет мне отпущено. Сим обещанием и надеждой получить удовлетворение, возвратился я домой, и поселился в имении Яноволь на казенной земле, нанял себе уже (с большим затруднением) хижину для помещения моего семейства и запахал часть отведенного участка земли...

Объясняя сие, Ваше Высокоблагородие всепокорнейше прошу, сжальтесь на меня и мое семейство подвергшееся разорению и соблаговолите учинить милостивое начальниче распоряжение к высылке мне обещанного Вами пособия для обзаведения хозяйством».

Ксерокопия фрагмента этого Прощения с гербовой маркой помещена в сборнике.

По стопам Завеля Мовши Ициковича пошли его сыновья – наш дед Залка и его брат-близнец Янкель. Вместе с прибрежным лесом и заливным лугом у Залки оказалось пятьдесят десятин угодий. Их окружали деревья разных пород, но чаще других белели на опушках березы. Не случайно позднее Залка назвал свой хутор Березовкой. Это наименование получила и возникшая здесь впоследствии деревня. Свое родовое гнездо Янкель обосновал в десятке километров от брата, под деревней Нерза. Сыновья Ицика и другие родственники режицких Фонаревых также перешли в крестьянское сословие, освоили свободные земли в деревнях Мортани, Воноги, Скрыни, Карсава, поселке Зилупе.

Своим преемником Залка избрал Моисея. Молодой наследник оставался в доме после отца единственным мужчиной. Старшие братья Бенцион и Ицик отделились, завели свои подворья.

О трагической судьбе семей Моисея и других наших родственников читайте в следующей главе. Мы смогли получить эти сведения благодаря своему приезду в Лудзу в августе 1997 года, когда отмечалась 56-я годовщина расстрела узников местного гетто. Тогда же нашли могилу нашего деда Залки Фонарева.

На ксерокопии карты из атласа Витебской губернии за 1858 г. (см. иллюстрации) показан Люцинский уезд. Выделены «фонаревские места», в т.ч. город Люцин, поселения Скрыни, Березовка, (здесь проживала семья Залки Фонарева), Нерза, Воноги, Ферма Яноволь, Вонды.

* * *

Часть II: Глава 6

СЕМЬЯ ЗАЛКИ ФОНАРЕВА В XX ВЕКЕ.

Мы едем в Лудзу. Трагедия в Лудзе. Траурный митинг.
 Подробности гибели семьи Моисея, жены и детей Бенциона.
 Мы находим могилу деда Залки.

По-разному сложилась жизнь семьи Залки Фонарева в XX веке. Она по-прежнему занималась хлебопашеством, торговлей, ремеслами. Без потрясений прошли годы 1-ой мировой войны и оккупации Латвии кайзеровскими войсками. К евреям немцы относились лояльно. После провозглашения Латвийской республики в 1920 году жизнь нормализовалась.

Тяжелые времена наступили в 1939 году, после ввода в Латвию советских войск. Крестьянские земли были переданы колхозам, многие латышские граждане, в том числе и евреи, попали в тюрьмы и сибирскую ссылку.

Но самое страшное время пришло 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия внезапно напала на СССР. Началось заключение евреев в гетто, а затем и их уничтожение. Вся семья Моисея, жена Бенциона – Фрума, три дочери, сын и их семьи погибли мученической смертью в огне Холокоста. Дочь Залки, Фрума, с дочерью Надей были угнаны в Германию.

Семья Израиля оказалась в блокадном Ленинграде. На оккупированной немцами территории осталась семья Павла (Саула).

Немало страданий в то страшное время выпало и на долю других детей и внуков Залки, их семей.

Рассказ о судьбе и жизни этой большой родни начнем с тех, кого постигла трагическая гибель – с семьи Бенциона и Моисея. Попутно со-

общим, откуда и как мы об этом узнали. И затем перейдем к рассказу об остальных детях Залки.

Изучая историю этой семьи, мы узнали и о гибели других членов большого клана латгальских Фонаревых.

Первую страшную весть о лудзенской трагедии сообщила папина сестра Ева Ольберг в 1945 году. В следующем году она приехала в Ленинград. Когда Ева рассказала о латвийских событиях, мы впервые увидели рыдающего отца. Сестра поведала о трагедии семей папиных братьев Моисея и Бенциона. Их убили фашисты и их латышские «коллеги».

Однако о подробностях гибели семей Моисея и Бенциона Ева не знала, так как с самого начала войны успела с семьей эвакуироваться вглубь России.

После войны Ева переехала в родовое гнездо. Половину отцовского дома она отдала под сельсовет, а земли приобщил к своим угодьям вновь восстановленный колхоз.

Стремясь как можно полнее раскрыть трагедию, постигшую наших лудзенских родных, узнать подробности гибели семей Моисея и Бенциона, мы обращались в различные организации. Сведения получали разноречивые. Была, например, версия, что Моисей скончался до войны, а погибла вдова с детьми.

И все-таки поиски не оказались безрезультатными. Одно из писем попало в руки лудзенскому педагогу, активисту Красного креста и местной еврейской общины, Саре Левиной. Она не только ответила на многие наши вопросы, но и прислала документ о захоронении нашего деда Залки на лудзенском кладбище. Сара сообщила и о предстоящей 17 августа 1997 года памятной годовщине. Справка, полученная от Сары, позволила нам буквально за день оформить в петербургском консульстве Латвии въездные визы.

За несколько часов покрыв на машине Михаила, сына Соломона, Ленинградскую и Псковскую области, мы в районе деревни Гавры пересекли российско-латвийскую границу. Однако первая встреча с землей предков разочаровала. Не видно, как прежде, ладных домиков, аккуратно сжатых полей. По пути к Лудзе стояли постаревшие избы, иные залатаны, почернели от времени. Но даже не это так огорчило, как огромные, насколько хватало глаз, поля, заросшие ковылем, бурьяном, озерами ромашек и лютиков.

Брошенные пашни, как это ни парадоксально, результат долгожданной свободы, обретенной латвийскими крестьянами.

Распад ненавистного большинству из них Советского Союза не материализовался в изобилие. Вдохнув воздух независимости, Латвия, практически не мешкая, объявила о роспуске коллективных артелей. Государство вернуло все угодья, принадлежавшие бывшим владельцам или их наследникам, и готово продавать своим гражданам землю по баснословно низкой цене. Однако охотников пахать ниву оказалось, как мы узнали позже, не густо.

В Лудзу мы приехали накануне годовщины трагического события в жизни местной еврейской общины – уничтожения лудзенских евреев немецкими и латышскими нацистами.

Остановились в городе у нашего двоюродного брата Михаила Ольберга, и на следующий день, 16 августа, отправились в родовую фонаревскую деревню Березовку, что в двадцати километрах от Лудзы.

Бывшее поместье деда Залки выделялось высокими деревьями «белого налива», густо усыпанными плодами, другими сортами яблонь, высаженных три десятка лет назад Мишей Ольбергом и его мамой Евой.

На косогоре, под которым протянулись поля, нам показали фундамент большого дома. При советской власти в этом самом просторном бревенчатом, обшитом тесом здании, располагался сельский совет и правление колхоза, один из приделов занимала семья тети Евы.

Теперь в Березовке только фундаменты и заброшенные колодцы напоминают о былой шумной жизни деревни и принадлежавшего Залке, а затем его сыну Моисею, крестьянского хозяйства.

На следующий день мы присутствовали на траурной церемонии, посвященной 56-летию массового расстрела евреев, заключенных в лудзенском гетто. Она состоялась в том месте, где находилось гетто, обнесенное тогда колючей проволокой, с обреченными на смерть тысячами людей. Среди них находились и семьи Фонаревых.

Мы надеялись, что на митинге памяти будут люди, что-то знавшие о гибели наших родных. Мечтали и мы разыскать заброшенную могилу деда Залки.

Выступая на траурном митинге, мы поведали о завете нашего отца вернуть из небытия имени Фонаревых, загубленных фашистскими извергами. Затем колонна из сотен людей – евреев, латышей и русских, в печальном молчании обошла границы гетто. После этого все отпра-

вились в лес, туда, где в августе 41-го начались расстрелы несчастных людей. Здесь тоже состоялся митинг, а затем возложение венков.

После этого мы встретились с людьми, откликнувшимися на наше обращение. Один из них, 72-летний Эдвард Долиба, учился вместе с сыном Моисея – Залкой, второй, Моше Томшинский, был ровесником другого его сына. Перед нами предстала такая картина.

С годами распалась большая семья, и хозяйство деда частично разорилось. Возродил Березовское поместье сын Залки – Моисей, названный так в честь своего деда. Земляки, тогда совсем юные, помнят Моисея человеком доброго сердца, неиссякаемого оптимизма, коммерсанта и труженика. Он обладал недюжинной силой.

«Широкоплечий, высокого роста, с крепкими мускулистыми руками, – вспоминал Эдвард Долиба, – Моисей мог поднять лошадь и пронести ее несколько шагов на спине». Он первым в округе научился управлять трактором. А два его магазина служили местом схода односельчан. Все помнят жену Моисея – Соню. К сожалению, ни родные, ни наши новые знакомые в Лудзе не смогли назвать имена всех детей. Перечислили только старших: Берта, Зельда (Зина), Залка, Люба и Яков. Но их имена были нам известны из документа Государственного Исторического Архива Латвии (ГИАЛ), составленного на основе переписи в Латвии в 1935 году. Затем выяснилось, что самыми младшими, родившимися после переписи, были Казель, 1936 года рождения, и Рахель, 1939 года рождения.

Неизвестной осталась судьба родителей Сони – Нарфела и Рохи Гассулей, которые жили в семье Моисея. Они тоже были указаны в письме ГИАЛа. О том, что случилось с Гассулями, мы узнали только через несколько лет. Очевидцы рассказали, что сначала Моисей присоединился к беженцам, погрузил вещи, усадил детей на подводы. Но далеко уехать не удалось. Немцы разбили снарядами единственную переправу, часть беженцев повернула обратно. Понадеявшись на авось, Моисей развернул лошадей и двинулся к дому. Через несколько дней после оккупации немецкие чистильщики расы пришли к Моисею и объявили об отправке его семьи в Лудзу. За спасение соседей взялся старый друг дома – Пиманьш, ставший волостным полицейским. Он отвез всех в Лудзу, но не в полицию, а в приемную главы городской католической церкви. Ксендз две недели прятал семью в костеле. Затем на утренней проповеди объявил, что во имя спасения вся она приняла католичество. После этого настоятель со спокойной душой и справкой о новом вероисповедании

отправил Моисея с домочадцами в Березовку. Почти месяц не стучались немцы в дом Моисея. Уже доходили страшные слухи об облавах, о заключении евреев, как преступников, под охрану в огороженную часть Лудзы. Горькая чаша не миновала и семью Моисея. Всех арестовали, отправили в лудзенское гетто. Но были свидетельства, что Моисея, Соню и их детей не довели до Лудзы, убили по пути. Может быть поэтому и не удалось найти их имена в списках жертв, не названы они и в показаниях свидетелей массовых расстрелов. Казалось, поиск обрывается.

Еще одну весть о семье нашего дяди Моисея мы опять получили от Сары Левиной. Вдвоем с мужем Сергеем Столбашинским они взяли на себя обязанности хранителей памятных мест, связанных с гибелью лудзенской Еврейской общины в годы Холокоста. Среди этих мест небольшое кладбище в Зилупе, куда привез нас Сергей. Здесь, между домами и опушкой леса, под сенью вековых сосен, протянулись ряды с надгробными плитами.

Столбашинский, несмотря на титул «нового латыша» и русское происхождение, рука об руку с женой ухаживает за еврейскими могилами, открывает неизвестные имена. Сергей и Сара привели нас к надгробиям, под которыми лежат жертвы фашизма из нашего рода. На одном из памятников мы увидели надпись на иврите, идише и русском языке: «Здесь погребены погибшие от немецких убийц семьи Фонаревых из Нерзы, Мортони, Скрыни». Отдельно выделен Моисей Фонарев с семьей.

В нашу программу входило посещение могилы деда. Но куда положить цветы, где поклониться праху предка? Последним, кто ухаживал за могилой, была его дочь Рива, приезжавшая из Свердловска, и сторож кладбища. Много лет тому назад Ривы не стало, к тому же вскоре скончался сторож, и могила осталась без присмотра.

Два дня искали мы могилу на старинном, теперь неухоженном погосте. Нашли несколько плит с именами Фонаревых. Видели очень древние надгробья, но вот 17 августа 1997 года, в день траурного поминовения, мы все-таки могилу нашли. С помощью посланника рижского раввина, руководителя Латвийского движения Любавического ребе, господина Мордехая Глазмана, расшифровали надпись на дедушкином надгробии. Она гласит, что здесь похоронен Фонарев Залка, сын Моисея (Залкер Бен-Мозес), скончавшийся глубоким старцем в 1926 году. К сожалению, мы не нашли могилу бабушки Рахели, которая должна была находиться рядом.

Решили общими силами восстановить надгробие, обновить надпись и повторить имя, отчество, фамилию и даты жизни на русском языке. С нашей помощью все это было сделано внуком Михаилом.

Состав семьи Моисея по переписи 1935-го года в Латвии:

Моисей Фонарев – 1886 г.р.

Его жена Соня – 1898 г.р.

Дети:

Зельда – 1927 г. р.

Залка – 1929 г. р.

Люба – 1931 г.р.

Яков – 1935 г.р.

Казель – 1936 г.р. Родились после переписи 1935 г.

Рахель – 1939 г.р. Родились после переписи 1935 г.

Год смерти у всех один – 1941-й.

Своему первенцу Залка и Фрума дали символическое имя – Бенцион, что значит сын Сиона. Это было в 1864 году. Залке тогда исполнилось 20 лет, а его первая жена Фрума, мать Бенциона, была еще моложе.

Бенцион жил в Березовке с семьей, отдельно от отца, занимался земледелием, торговал хлебом и льном. В Березовке родились почти все дети Бенциона: Рая, Блюма, Хана, Мина, Хая, Моисей, Залман. Лишь младшая дочь Зельда появилась на свет в 1918 году в Зилупе, куда переселились Бенцион с Фрумой.

Сохранились фотографии тридцатых годов семьи Бенциона и его детей, эти снимки мы включили в сборник.

Когда немцы вступили в Латвию, вдова Бенциона, Фрума, жила в Зилупе. Ее сын Залман вместе с семьей находился в Резекне. Он поехал за матерью, но по пути поезд попал под бомбежку, и Залман погиб. Его жена не знала о гибели мужа и решила не эвакуироваться с детьми без него. С приходом оккупантов семью Залмана заключили в гетто, где все они и погибли.

Трагически сложилась судьба Фрумы. Немцы вместе с латышскими нацистами, вскоре после захвата Зилупе, согнали евреев на берег озера, окружили их с собаками, заставили раздеться и плыть на другой берег. Как только люди вошли в воду, каратели расстреляли их из пулеметов.

Все евреи были убиты, в том числе и Фрума.

Хая с тремя детьми погибла в Рижском гетто. Та же участь постигла Мину с детьми. Вот и все, что нам известно о Фруме и о двух ее дочерях. Мы не знаем имен детей, возраста Хаи и Мины, о судьбе их мужей.

О других детях Залки, не погибших в войну, и о семье Саула-Павла, оставшейся в живых на оккупированных территориях, в следующей, 7-й главе.

* * *

Часть II: Глава 7**О ДЕТЯХ ЗАЛКИ.**

САУЛ-ПАВЕЛ, ФРУМА, ЕВА, РЕВЕКА, ИЦИК,
дочь Фрумы – НАДЯ и ИХ СЕМЬИ.
Израильские Фонаревы – наши родственники.

Израиль рассказал сыновьям, какой удар нанес его старший брат Саул религиозным и семейным устоям.

Покинув родительский дом, отец навсегда унес с собой осадок семейной трагедии, виновником которой добровольно стал девятнадцатилетний Саул. Это случилось, когда черносотенные погромы докатились до латгальской провинции.

Залка и Рахель были в ужасе, когда исправник сообщил, что ему попали в руки списки «Латвийского союза русского народа», в котором стоит имя их сына. Саул перекрестился, принял православие и записал себя Павлом.

Второй удар нанесла им уже через много лет дочь Фрума, выйдя замуж за православного и приняв христианство. Об измене дочери Евы Залка уже не знал. Это произошло после его кончины.

Дальше Израиль рассказывал, что Саул покинул родные края и приехал в Ригу. Работал на разгрузке судов, здесь же в порту навсегда выбрал профессию моряка. Окончив «плаванья далекие», осел в Ростове-на-Дону. Его жена, уже будучи бабушкой, несколько раз приезжала к нам в Ленинград.

Братья Фонаревы говорили, что впервые услышали о Сауле еще мальчишками. О его измене отец рассказывал с горечью. Впоследствии сердце его смягчилось, и он уже не винил брата.

О своем отце рассказал сын Павла – Аркадий.

Отец служил в армии с 1904 года до конца Гражданской войны. В 1917 году очутился в Кронштадте, где был избран депутатом в Совет Рабочих и Солдатских депутатов от партии эсеров.

С мандатом депутата его послали устанавливать Советскую власть в Среднюю Азию. Там возникли конфликтные ситуации с местным руководством, и Павел попадает на Дальний Восток, воюет в отряде Сергея Лазо. В коммунистическую партию вступил в 1924 году. Однако при очередной «чистке» в 1934 году был исключен по причине политической малограмотности. О его еврейском происхождении никто не знал. Будучи в оккупации Павел тяжело заболел и попал в немецкий госпиталь, где переживал, что обнаружат его еврейство. Но каким-то образом обошлось.

У Павла было шестеро детей. Четыре сына и две дочери. Старший сын погиб на фронте. Сын Аркадий воевал, стал инвалидом. После войны за «антисоветскую пропаганду» просидел 6 лет. К 55-летию Победы получил от Солженицына 500 рублей, жил в Ростове, где скончался в 2006 году. Один из братьев Аркадия, Геннадий, тоже живет в Ростове, другой, Александр, в Волгограде. Сестра Лена умерла в 2004 году, вторая сестра, Вера, живет в Костроме.

У всех дети и внуки. О своих еврейских корнях узнали после войны. Павел Сергеевич скончался в 1959 году в возрасте 75 лет, его жена Александра Прокофьевна умерла в 1986 году в возрасте 86 лет.

Семья Павла (Саула) Фонарева.

1. Павел Сергеевич Фонарев – 1884-1959 г.

Жена Александра Прокофьевна – 1900-1986 г.

Их дети:

1.1 Владимир – 1921-1941 г. – пропал без вести в начале войны

2. Аркадий – 1925- 2006 г.

жена Клавдия – 1931г.

Дети:

2.1 Михаил Аркадьевич – 1957 г.

Жена Ирина Александровна – 1958 г.

Имеют сына Андрея – 1990 г.

2.2 Павел Аркадьевич – 1962 г.

Жена Ирина Владимировна – 1963 г.

имеют дочь Нину – 1986 г.

3. Елена Павловна (Фомичева) – 1927 – 2004 г.

В Ростове живут внуки:

Аня – 1987 г.

Миша – 1989 г.

4. Геннадий – 1932 г.

жена Тамара

дети:

4.1 Сергей – 1957 г., имеет сына Олега;

4.2 Павел – 1962 г., имеет двух сыновей

5. Вера (Толмачева) – 1935 г.

дети:

5.1 Ольга, имеет сына Славу

5.2. Лена, имеет двух детей

6. Александр 1940 г.

жена Галя,

их дочь Наташа, имеет дочь Настю

Ревека Залковна Герштейн (урожденная Фонарева) или как мы ее звали, тетя Рива, была добрым и родственным человеком.

Уехав из Латвии, поселилась в Свердловске, где вышла замуж за Марса Ицковича Герштейна. В Свердловске родила сыновей Самуила и Иосифа, дочь Полину.

Единственная из всех детей Залки сохраняла в Лудзе могилу отца, для ухода за ней высылала деньги сторожу кладбища.

После войны, в 1946 году, тетя приезжала к нам в Ленинград. Время было тяжелое, карточная система. Мы недавно вернулись из эвакуации. Тетя привезла много разных продуктов, растроганная мама пыталась подарить золовке платя, обувь, но та ничего не взяла. Что немаловажно, учила нас зарабатывать деньги. Так, передала нам свой опыт варить дефицитное в то время мыло из бараньего сала и каустической соды. Качество продукции далеко не дотягивало до стандарта, но товар сбывался и мы имели прибыль. Знала тетя и другие секреты изготовления ходовых изделий, что помогало ей прокормить семью в трудное послевоенное время. Сыновья тети, Иосиф и Самуил, добротой, гостеприимством и

родственностью были похожи на мать, что Захар ощущал на себе при посещении Герштейнов во время служебных командировок в Свердловск. Захара тетя особенно выделяла, т.к. он носил имя ее отца. Под стать сыновьям были их жены Лиля и Маша.

Всю жизнь тетя Рива была энергичной и деловой.

В семидесятых-восьмидесятых годах Иосиф работал начальником цеха на «Уралмаше». Войну начал юнгой в военно-морском флоте, стал корабельным радистом. Демобилизовался только в 1949 году. Другой сын, Самуил, после армии и учебы работал в торговле. Сестра Полина вышла замуж за грузина Иобидзе, уехала в к нему на родину. Скончалась в Грузии в 2003 году.

Сейчас Иосиф и Лиля на пенсии, имеют детей, внуков и правнука.

Самуил умер в 1988 году, а его сын Саша погиб от руки убийцы в 1993 году.

Самая младшая из детей Залки, Ева, родилась в Березовке в 1895 году.

Ева (Хава) в 1927 году вышла второй раз замуж за Николая Ольберга, который в 1942 году погиб под Старой Руссой.

В 1941 году Ева с четырьмя детьми эвакуировалась в Татарию. Дочь от первого брака – Маргарита, дети: Александр – 1929 г., Миша – 1932 г., Вероника – 1939 г.

Когда вернулись из эвакуации, все имущество Моисея было разграблено.

Второй сын Залки, Ицик, родился в 1873 году в Нерзенской волости, занимался мелкой торговлей. Его жена Люба Фонарева родилась в 1879 году в Режице.

– дочь Ицика Добра родилась в 1909 г. в Нерзенской волости,

где в 1916 г. родилась вторая дочь – Мерка.

– сын Гершон (Гриша) родился в 1920 г. также в Нерзенской волости.

– сын Шабтай. В перепись 1935 г. и в другие документы,

имеющиеся в ГИАЛ, не попал, так как в 30-ые годы уехал в Израиль.

Кратко о детях Ицика – Грише и Шабтае.

Гриша с женой Ривой, сыновьями Мишей илевой, приехали из Риги в Израиль весной 1974 года. В Рижской Юрмале под началом Гершона находились три магазина в курортной зоне.

Он мечтал продолжить в Израиле свой бизнес, но за несколько недель до отъезда надежды рухнули. Органы конфисковали валюту и драгоцен-

ности, отложенные на раскрутку. Сломленный неудачей, Гриша пал духом. Не оправдались расчеты на разбогатевшего в Израиле брата Шабтая. Несколько лет Гриша подрабатывал, снова торгуя чужой обувью. Жизнь его оборвалась трагически. Гришины беды отразились на здоровье его любящей жены и замечательного человека Ривы. Между тем подросли и возмужали сыновья. Миша успешно трудится инженером на предприятии в Петах-Тикве. У него дочь и сын. Лева работает начальником цеха, его жена Надежда преподаватель старших классов в Тель-Авиве. У них трое взрослых сыновей. Все пятеро детей отдали свой долг стране, отслужив в Израильской армии.

Шабтай приехал в Израиль более полувека назад. Начиная сапожником, на государственную ссуду открыл мастерскую. Через несколько лет она превратилась в фабрику. Теперь его сыновья владеют компанией по производству обуви.

Первый брак Фрумы, второй дочери Залки, родившейся в 1888 году, был с евреем Лившицем, от которого остались двое детей: сын Миша и рано умершая дочь Роза. Миша получил образование, боролся с режимом Ульманиса. Несколько раз сидел в тюрьме, там же познакомился со своей будущей женой Элей, еврейкой, адвокатом по специальности. У них родилась дочь Аня.

Надя, дочь Фрумы, с которой мы встретились и уже очно познакомилась в Лудзе, родилась 4 июня 1924 года в деревне Скрыни Нерзенской волости, находящейся рядом с хутором деда Залки. Отец Нади, Иосиф Бируль, тоже уроженец Скрыни, был вторым мужем Фрумы. Крестьянин, латыш, православный, имел 5 десятин земли, был младше Фрумы на 11 лет.

Своего дома и скота не было. Дом арендовали и держали лавку, где продавали товары, пользующие спросом.

Надя окончила 6 классов, и в 1940 г. (когда пришла Советская власть) поступила в гимназию.

После войны Надя несколько раз встречалась в Риге с Аней и Элей. В 1940 г. Миша, по словам Нади, был городским головой в Даугавилсе, в начале войны его мобилизовали, Миша стал политруком. Погиб на войне. Причину развода Фрумы с Лившицем, что было задолго до войны, Надя не знает. Тогда Фрума вернулась в отцовский дом, где полюбила простого парня из деревни Скрыни, еврейская родня от нее из-за этого отказалась, что явилось причиной больших переживаний, т.к. Фрума любила своих братьев и сестер.

Когда встречалась с сестрой Хавой (Евой), говорили по-еврейски.

Надя бывала в семье Моисея, так как он не относился к Фруминой измене еврейству так строго. Играла с двоюродными сестрами Бертой и Зиной, брат Залик был тогда еще маленьким. Срывала яблоки и груши в дедовом саду.

Деда с бабушкой не помнит. Фрума не забыла, что в детстве много работала – приходилось таскать ведрами воду для огромного количества скота. Дед был строгим и мудрым. Такова история Фрумы, которую нам поведала Надя.

Рассказывает Надя:

Отец занимался вывозом оборудования в глубь страны. Там был мобилизован в армию и погиб под Старой Руссой во время налета немецких бомбардировщиков.

С приходом немцев я бросила гимназию, так как надо было уехать из Лудзы, чтобы скрыть свое еврейское происхождение. Для этого мы перебрались в деревню Филицианово Цибланской волости. Затем переехали в деревню Морозовка, той же волости, где жили и работали у местного учителя.

В августе 1943 г. немцы расстреливали или вывозили всех подозрительных людей. Тогда же меня и мать вместе с 20-ю другими семьями погрузили на повозки, велел взять еды на три дня, и повезли на станцию в Зилупе. Там собрали эшелон в 500 человек – женщин, стариков и детей, отправили их в Салспилский лагерь под Ригу. Когда нас высадили в лесу и колоннами по 4 человека в ряд, в сопровождении солдат с автоматами, погнали в лагерь, все думали, что на расстрел. Пережили страшные часы.

В лагере мы пробыли до октября, затем нас товарняком отправили в Германию, где мы и прожили до прихода американских войск.

В Германию нас вывезли как людей неблагонадежных для немецкого государства. Если бы узнали о нашем еврейском происхождении, то не миновать гибели. В Германии мы работали на фабрике у хозяина, жили в бараках под наблюдением лагерфюрера.

После возвращения из Германии в 1945 г., мы приехали в Скрыни. Здесь получили извещение о гибели отца. Затем перебрались в Ригу, где я трудилась в торговом порту, Фрума тоже подрабатывала. На существование хватало. В 1949 г., в 58 лет, Фрума умерла от инсульта. Сказалось пережитое – гибель Моисея с семьей и других родственников.

Сейчас Надя живет в Лудзе. У нее дочь, внуки, правнук.

В Израиле Соломон разыскал Фонаревых, которые тоже оказались связаны с нами родственными узами. И здесь опять на нас нахлынули волны прошедшей трагедии. Это произошло, когда мы услышали о Шломо Камайском (по матери Фонаревым) и об Илье Фонареве, а также о сестрах Иде и Соне.

Шломо, сын Ханы Фонаревой, дочери Янкеля, родного брата нашего деда Залки, родился в 1923 г. в деревне Мортони. Проживало там двенадцать еврейских семей из рода Фонаревых и Камайских. Соседями были латыши и русские. Всего в деревне насчитывалось свыше 20 дворов.

Отец Шломо торговал пенькой и льном. Позднее Камайские переехали в Ригу. Здесь они знали с Гришей, сыном Ицика Фонарева, и с его двоюродной сестрой Блюмой, дочерью Бенциона. До Второй Мировой войны Шломо с родителями часто приезжал в Мортони, а также в Зилупе и Карсаву, где продолжали жить Фонаревы и Камайские.

Шломо прошел всю войну в составе Латышского соединения. В нем сражались против фашистов многие Фонаревы, в том числе Гриша Ицкович. Шестеро Фонаревых полегли в боях под Москвой и Старой Руссой. Сам Шломо дважды был ранен, после госпиталей возвращался на фронт. Остался инвалидом войны, что является очень почетным в Израиле. Шломо рассказал, что 28 его родственников из Мортони, Зилупе и Карсавы немцы и латыши согнали в Лудзенское гетто. Все они погибли. Их останки Шломо предал земле на мемориальном кладбище в Зилупе.

Сейчас Шломо Камайский живет в Иерусалиме. У него двое сыновей и трое внуков. Благодаря Шломо, нам удалось встретиться с Ильей Фонаревым.

Илья Фонарев живет под Иерусалимом в городе Модеин. Он родился в 1922 г. в той же деревне Мортони, где и Шломо Камайский. Позднее семья Ильи так же переехала в столицу Латвии.

С первых дней войны Илья на фронте.

Под Москвой он был тяжело ранен, после выздоровления демобилизован. В Риге его ждала горькая весть: отец и мать погибли от рук фашистов. Очевидцы рассказали, что отца, еще живого, бросили в газовую камеру. В немецкой печи сожжена и его мать. Братья и сестры родителей погибли в латвийских гетто. В 1944 г., в октябре, когда Рига была

освобождена от немцев, Илью снова призвали в армию. Он прекрасно знал латышский, идиш, немецкий, а при советской власти овладел и русским.

Илья служил переводчиком в военном трибунале. С 1944 г. начались процессы над пособниками гитлеровцев, уничтожавшими советских людей, в основном, евреев. В сердце у Ильи горела ненависть к убийцам его родных, и он полностью отдался этой работе. Ежедневно перед судом предстало от двадцати до тридцати служаков-латышей из карательных отрядов. Они так усердно уничтожали евреев, что заслужили личную благодарность Гитлера.

Многих из них возвели в офицеры. Вместе с другими латышскими фашистскими прихвостнями они были направлены на уничтожение евреев в Белоруссию и на Украину. С 1944 по 1947 год каждому карателю и полицаяу трибунал выносил высшую меру. Таким образом, суд покарал тысячи убийц и их подручных. После сорок седьмого года смертную казнь заменили 25-летним заключением.

Илья много занимался розыском пропавших в годы Холокоста родных.

Дополнительные сведения о судьбе семьи второго сына Залки – Ицике и его дочери Фруме нам сообщила внучка Ицика Дрора, живущая в Израиле. Об этом в следующей, 8-й главе.

* * *

Часть II: Глава 8

ДРОРА СООБЩАЕТ НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЦКЕ (ИЦХАКЕ), ВТОРОМ СЫНЕ ЗАЛКИ И О ЕГО ДОЧЕРИ ФРУМЕ

В 2006 году, в Израиле, Михаил познакомил Захара с внучкой Ицика – Дророй, которая родилась здесь в 1932 году. Дрора передала Захару свои воспоминания и фотографию семьи Ицика, относящуюся, предположительно, к 1930 году. Дрора рассказала об Ицке и его близких, подробнее всего, конечно, о своих родителях.

До сих пор о папином брате Ицке и судьбе его семьи мы знали очень мало, намного лучше нам было известно о папином старшем брате Бенционе.

Далее мы приводим наиболее интересные для нас фрагменты из этих воспоминаний.

Надо отдать Дроре должное, она, единственная из наших многочисленных родственников, так подробно описала мать, отца, собственную семью. Ну, естественно, эта критика не касается нас, любимых, четырех сыновей Израиля Фонарева и сына нашего дяди Давида, профессионального писателя Ильи, которые создали этот сборник и были не менее писучими.

Дрора озаглавила свои воспоминания: «Памяти моей покойной матери Фрумы Элькинд, дочери Ицхака и Ахувы Фонаревых, 1912-1988 годы»:

Мы приводим эти воспоминания в переводе с иврита.

«Моя мать, Фрума, родилась на второй день нового 1912 года в Зилупе. Ее родители – Ицхак и Ахува Фонаревы, ее старшая сестра – Доба. Моя мать была второй, после нее Мэри (Мирьям), ее брат Шепсель (Шабтай), и самый младший Гриша (Гершон). Всего пятеро детей.

В молодости моя мама присоединилась к молодежному движению

«Пионер». Несмотря на свою кротость, она всегда была окружена друзьями.

Когда ей исполнилось 16 лет, она получила сертификат (разрешение на репатриацию в Палестину), который выслала ей тетя, сестра матери.

И Фрума использовала эту возможность легально уехать. Ее тетя Гиталь эмигрировала давно, вышла замуж за богатого вдовца, и они построили большой трехэтажный дом на улице Моря, 1, в Тель-Авиве (ныне улица рава Кука).

Жизнь Фрумы, легкая и приятная в родительском доме, в учебе и в молодежном движении, превратилась здесь в жизнь тяжелого и утомительного труда. Она не знала никого за пределами своей новой семьи, была стеснительна, скромна, несмела. Так и проходило время в многообещающем еврейском городе, в тени тети-работодателя с одной стороны, и любящей ее, с другой.

И здесь в жизни Фрумы произошло большое событие, она познакомилась с парнем. Он тоже был из Латвии, из Корсавки. Общаться между собой молодые люди могли на трех языках – на русском, латышском и идиш. Прошло немного времени, и пара решила пожениться. Мужем и женой они стали 7.11.1930 года, в день русской Октябрьской революции.

Мой отец был готов выполнять любую работу. Не выбирал. Продавал эскимо или сдавал на прокат шезлонги на берегу, торговал овощами, трудился на заводах. Шел куда угодно, лишь бы там брали евреев. Он почти никогда не оставался без работы, соглашался на все, только бы его не уволили. Тогда не было биржи труда и пособия по безработице, не было никого, кто поможет хоть милеем – самой маленькой монетой Палестины того времени. Была лира, было и пол лиры, что считалось тогда порядочной суммой. Были гроши (в одной лире сто грошей), существовали пол гроша и монеты достоинством аж в две лиры, на которые я, спустя четыре-пять лет, могла купить массу конфет и шоколада.

И вот мама забеременела. 3 марта 1932 года я появилась на свет.

Экономическое положение в Израиле ухудшалось, все труднее было найти работу. А тут еще начались стычки между евреями и арабами в Яффо.

Когда мне исполнилось пол года, отец предложил матери уехать пока в Латвию. «Если ситуация улучшится, – пообещал он, – я напишу, и ты вернешься, а если не улучшится, то я присоединюсь к вам там, в диаспоре».

А затем был дальний путь пароходом до Балтийского берега. Мама послала своим родителям телеграмму в Латвию, чтобы они занялись нами. Они выслали денег. С божьей помощью мы сели на поезд и приехали в Ригу, столицу Латвии, а оттуда к моим бабушке и дедушке, к семье Фонаревых. Какая радость! Бабушка и дедушка были вне себя от счастья. Братья и сестры не отходили от меня.

Это был словно «медовый месяц», но пробил час переезжать в Корсовку, в дом ко вторым моим бабушке и дедушке – семье Элькинд. Они полюбили мою маму с первого взгляда.

Два года мама пробыла в доме родителей вперемешку, а ночами мочила подушку слезами тревоги за своего молодого мужа, оставшегося там, не зная, что выпало на его долю. На массу писем и телеграмм она не получила ни одного ответа. Тогда мама приняла решение вернуться.

Семья поехала с нами до поезда и корабля. Последнее прощание, и мы на обратном пути в Израиль. Со мной маме было уже нелегко. Я ведь подросла и стала любопытной шалуньей, теперь за мной нужен был глаз да глаз. По дороге мы чуть не стали жертвами катастрофы.

Но мы уехали, а наши оставшиеся в Латвии родственники были уничтожены местными фашистами. Да будет благословенна память наших родных, и да пребудет с ними Господь!

Мы приехали в Палестину. Корабль бросил якорь около берега Яффо, но не очень близко. Арабские лодки подплывали к кораблю и пассажиров перебрасывали на них, а с них – на берег. Мы благополучно прибыли в наш дорогой и любимый Тель-Авив. Но никто не ждал нас на берегу. Папа не пришел, несмотря на то, что мама предупредила его о своем возвращении.

Когда мама приехала в дом к тете, то спросила, не слышала ли она, что случилось с моим отцом, где он? Нет, она не слышала, но его друзья все еще живут здесь, на этой улице.

Поведение папы было странным и непонятным. Но он объяснил, что был очень занят. Работал, как сумасшедший. Днем он трудился везде, где находил такую возможность, чтобы содержать себя и скопить на постройку дома, когда придет его очередь. Едва заканчивался рабочий день, папа спешил отдать почти все, что мог, на совместную постройку дома.

В результате, появился наш первый собственный дом. Все называют это место «район хапа», так как там забрали площадки под новые стоянки. Но его официальное название «Кирьят-Йосеф». Наш дом был как

раз в центре района. В нем были две большие комнаты и большая кухня, которая также служила жилой комнатой.

Когда мне было примерно шесть лет, в канун второй Мировой войны, к нам приехали сестра мамы Мирьям и ее брат Шабтай. Им удалось добраться до Палестины на последних кораблях. Небеса Европы почернели. Поползли слухи о том, что там творится. Родители стали беспокоиться за свои семьи.

Когда мне исполнилось ровно четырнадцать с половиной лет, после того, как я окончила восьмой класс, и я была на пути на Левинский семинар в Тель-Авиве, я получила подарок. У меня родилась сестра. Ее назвали Сара. В честь моей бабушки (благословенна память ее), любимой и любящей мамы моего отца.

Прошло много лет. 16.08.1951 г. я вышла замуж за Переца. Мои родители вырастили маленькую Сару и переехали в другой район Тель-Авива, в Кирьят-Шалом. Отец был счастлив, что живет в районе, который был создан специально для ветеранов.

Я с мужем и детьми жила в Ашкелоне.

Папа вышел на пенсию и устроился уборщиком сцены на частичную занятость. Он имел доступ на любое представление и в любой кинотеатр, и это было для него «хлебом насущным». А когда пришел век телевидения, то мама была просто пленена им.

Моя сестра вышла замуж. У моих родителей уже пять внуков, даже появляются правнуки.

Моя мать родилась на второй день нового года, в месяце тишрее, и умерла после тяжелой и продолжительной болезни в тишрее, за день до конца месяца (29 тишрея 5749 года, или 10.10.1988 года.

Место захоронения моей мамы – кладбище в Холоне. Первый ряд, четвертое место. Рядом похоронен мой папа, который скончался 14.09.2004 г. (25 элула 5765 г.), через 16 лет после кончины матери и за полтора года до своего столетия.»

На этом кончается этот замечательный рассказ. И остается надеяться, что когда-нибудь нам удастся прочитать книгу воспоминаний Дроры, которую она мечтает напечатать.

Следующая, 9-я глава, посвящена не погибшим в войне и Холокосте детям Бенциона, а также героической судьбе его младшей дочери Зельды.

* * *

Часть II: Глава 9

СУДЬБА ДЕТЕЙ БЕНЦИОНА, ИЗБЕЖАВШИХ ГИБЕЛИ. О ДОЧЕРИ ЗЕЛЬДЕ. ПОДРОБНОСТИ О ГИБЕЛИ ГАССУЛЕЙ.

Из детей Бенциона остались в живых Блюма, Моисей, Раиса, Хана и младшая Зельда.

Блюма Фонарева появилась на свет в апреле 1904 г. В Риге у нее родился сын Игорь, которому она дала свою фамилию. Игорь Фонарев был ребенком, когда его отец покинул семью. После присоединения Латвии к России Блюма приехала в Ленинград, здесь жила и работала, а после войны вернулась в Ригу. Оттуда эмигрировала с сыном в Израиль. После смерти Блюмы Игорь с женой Гитой переехали в США. Сейчас они живут в очень красивом и чистом городе Итака, штат Нью-Йорк. Их дочь окончила университет, живет в Нью-Йорке.

Моисей Фонарев родился в июле 1908 г. О его судьбе узнал Леонард. Он встретился с Моисеем во Флориде. С благословения родителей Моисей в юные годы уехал в Ригу, где по протекции родственника поступил в школу парикмахеров. Вышел оттуда с дипломом мастера дамских причесок.

Моисей хорошо зарабатывал, но, главное, своей профессии обязан жизнью.

В годы немецкой оккупации он попал в гетто, затем в концлагерь, и остался жив только потому, что его узнала одна из бывших клиенток, ставшая возлюбленной офицера охраны. Весть о художнике парикмахерского дела быстро облетела женскую половину лагерной администрации, Моисею предоставили помещение и инструменты, а он вызволил из гетто еще несколько человек, сделав их своими помощниками. Немки настолько ценили Моисея, что, отступая, везли его с собой в составе об-

служивающего персонала.

В конце войны пленника-парикмахера отправили в Освенцим. Сюда, уже после освобождения лагеря, за обессиленным, но оставшимся в живых Моисеем из США приехала старшая сестра Рая, в 1933-м году эмигрировавшая в Германию, а оттуда в Америку.

В США, создав сеть парикмахерских салонов, Моисей превратился в процветающего бизнесмена. В свою очередь, когда Рая постарела, он помогал и ей, и другим родственникам. Будучи уже в годах, Моисей оставил бизнес и поселился с женой во Флориде, где и скончался в 1987 году, через два года ушла в мир иной и его жена.

О дочери Бенциона Хане нам известно, что после 1955 года она смогла эмигрировать в Израиль, где вышла замуж. Приезжала в Лудзу, разыскала останки Фонаревых, убитых фашистами. Перезахоронила их на еврейском кладбище в Зилупе. В 90-х годах Хана овдовела. Долго жила в усадьбе мужа, потом находилась в частном пансионате для престарелых.

Судьба младшей дочери Бенциона, Зельды, сложилась поистине героически. В 1936 году, когда Зельде шел семнадцатый год, она вступила в Союз еврейской молодежи, поставивший перед собой цель бороться за возрождение Израиля. Союз получил законные права, издавал газету.

Через полгода после вступления в Союз Зельда и ее сверстники отправились в Польшу, где шла подготовка будущих израильтян. Освоив иврит, основы строительства и аграрной техники, восемьсот юношей и девушек с палестинскими паспортами ночью погрузились на пассажирское судно.

Через две недели корабль также в темноте подошел к одному из средиземноморских причалов на севере Палестины. На судне Зельда познакомилась со своим будущим мужем Рахмилом Сондеком. Они вместе отправились на строительство кибуца в Галилее. Жили в палатках, на скудном пайке, отряжая каждый день треть своего отряда на охрану: арабы не давали покоя молодым поселенцам. Теперь на берегу Иордана стоит утопающий в садах и цитрусовых аллеях ухоженный и красивый агрогородок – кибуц Кфар-Блюм.

Сондеки вырастили пятерых детей, все они получили высшее образование и улетели из родного гнезда. Кибуцники Сондеки продолжают жить в приземистом трехкомнатном домике, в который, такие счастли-

вые, переехали сорок лет назад.

После посещения Лудзы и возвращения в 1997 году на землю обетованную, Соломон начал поиски в Израиле. Выяснилось, что Шлема Камайский, с которым познакомился Соломон, знает Гассулей, живущих в Израиле. Соломон по подсказке Шлемы разыскал Хаю Горину, по первому мужу Гассуль. Муж Хаи, Залман Гассуль, был родным братом Сони. В первый год войны Залман погиб на фронте. Впоследствии Хая вышла замуж второй раз и стала Гориной. Вот что она рассказала:

Соня вышла замуж за Моисея Фонарева, и они переселились в большой приусадебный дом в Березовке. Вместе с Соней в Березовку переехали и Сонины родители.

Когда началась война и немцы приближались к Лудзе, было объявлено о поголовной эвакуации. Хая с мужем приехали в Березовку, чтобы уговорить Моисея покинуть ее и бежать на восток. Уже стало известно, как немцы вместе со своими латышскими, украинскими, белорусскими и польскими помощниками беспощадно расправляются с евреями.

Моисей назвал все это советской пропагандой: «Советы у меня отняли землю, а немцы все вернут». Его поддержали родители Сони, сама Соня, брат Сони Янкель и его жена Этна. Дети, особенно старшие, уговаривали родителей запрячь лошадей и уехать в Россию, бежать от фашистов. Но Моисей был уверен, что немцы будут к евреям также добры, как это было в Первую Мировую войну. Тогда Моисей, будучи солдатом царской армии, видел как русские братались с войсками кайзера Вильгельма.

И все же слухи о беспощадной расправе немцев над евреями дошли и до Моисея. Он запряг лошадей, посадил в телегу семью, и они двинулись в путь. Однако переправа через реку была разбита, и Моисей, надеясь на авось, повернул лошадей обратно.

О дальнейшем мы уже рассказывали. Укрытие в костеле, принятие католической веры и... гибель.

Вместе с Моисеем и его семьей латыши и немцы убили Сониных родителей, а также Этну и Янкеля, которые остались в доме Моисея, как в месте более надежном, чем Лудза. Хая предполагает, что Фонаревы и Гассули похоронены где-то в районе Зилупе, на том же еврейском кладбище, которое посетили мы, и где нашли могилу Моисея.

* * *

Часть III: Глава 10

О ГОРОДКЕ ЗИЛУПЕ, ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ И ГИБЕЛИ ЗИЛУПСКИХ ЕВРЕЕВ

В Зилупе жили со своими семьями два старших сына нашего деда Залки – Бенцион и Ицик (Ицхак), а также и другие Фонаревы. Многие из них сражались в рядах Советской Армии, многие погибли от рук фашистов и их прихвостней из местных жителей.

Об этом и об истории города рассказывается в материалах местного краеведа И.П. Сырцова, писателя Арона Шнеера и бывшего жителя Зилупе И. Бахмата.

О Зилупе и еврейской общине от И. Бахмата

Сведения о Зилупе и ее еврейской общине прислал Ивану Петровичу бывший житель этого города И. Бахмат. Его письмо с некоторыми сокращениями приводится ниже:

В царское время это место называлось Розиновском. В 1900 году первые еврейские семьи прибыли сюда в связи с началом прокладки железной дороги Виндава-Москва.

История нашей семьи в Розиновске начинается в 1904 году, когда мой отец, Арон Абрамович Бахмат, прибыл туда в качестве подрядчика для постройки железной дороги. Он поселился в доме Лейбы и Песи Арон. Там отец познакомился с их единственной дочерью Соней, ставшей в будущем его женой.

Мой родитель стал одним из руководителей еврейской общины в Розиновске. Кроме большого дома с несколькими лавками, он построил синагогу, еврейское кладбище и здание Зилупской пожарной охраны. У них с Соней родились два сына: в 1907 году Исаак, а в 1916 – Михаил.

Во время Первой мировой войны семья Бахмат оставила Розиновск и переселилась в Россию, в Ярославль, где устроилась вполне благополучно. Но, к сожалению, Соня там заболела и в 1916 году скончалась, оставив двух сирот.

В 1920 году отец с детьми вернулся из России домой. Оказалось, что все имущество семьи уцелело. Розиновск за время его отсутствия был переименован в Зилупе.

В том же году Арон Бахмат женился на одной из дочерей известной семьи Дреер. Все они прибыли из деревни Пасинь в самом начале XX века.

Имя его второй жены – Этель. У них родились пятеро детей, в том числе и автор этого письма.

В годы независимости Латвии еврейское население Зилупе служило главным фактором развития города. Кодель Лазар построил на реке Силюха гидроэлектростанцию, которая обеспечила всех горожан, а также питала лесопилки и мельницы.

Мой дядя Ноах Дреер служил председателем торговой палаты Зилупе, а мой отец был начальником Зилупской пожарной команды, состоявшей, в основном, из евреев. Единственная аптека города, которая находилась в одном из наших домов, принадлежала Левину.

Большинство еврейского населения занималось торговлей. Но были также и ремесленники: портные, парикмахеры, сапожники. Наш отец, например, имел магазин, торгующий сельскохозяйственными товарами, но это не мешало ему заниматься и лесопромышленностью.

В 1923 году была построена еврейская основная шестилетняя школа, в которой молодежь получала общее и еврейское образование. Наряду с этим действовали два хедера. Поступавшие туда пятилетние дети получали в хедере начальное религиозное воспитание, изучая Библию и молитвы, так что при переходе в основную школу они уже умели читать и писать на древнееврейском языке. Сначала обучение в еврейской школе велось на идиш и на русском, но с 1930 года почти все предметы, кроме латышского языка, преподавались на древнееврейском.

В городе действовал драматический кружок, представления которого пользовались большим успехом. В Зилупе был также организован духовой оркестр пожарной команды.

По пятницам работал рынок. Латышские крестьяне продавали евреям продукты и покупали у них промышленные товары.

Наш отец пользовался большим уважением местных властей, насе-

ления Зилупе и окрестностей. Ему неоднократно приходилось быть посредником в спорах.

В 1934 году в Латвии произошел переворот. Глава правительства Карл Ульманис распустил парламент и установил вместо республики диктатуру. В Зилупе был открыт государственный магазин, в котором продавались необходимые крестьянам товары, с тех пор еврейское население города стало испытывать экономические трудности. Несмотря на это, деятельность еврейской общины не изменялась до июня 1940 года, пока Латвия не была насильно включена в состав Советского Союза.

О Фонаревых в Зилупе и Нерзенской волости сообщил Иван Петрович Сырцов.

Историей Зилупе и судьбой его жителей с момента захвата Латвии советскими войсками и в период оккупации города фашистами занимается Иван Петрович Сырцов. О книге «300 лет еврейского рода Фонаревых» ему рассказала наша двоюродная сестра Надя Шашура, которая, как и Сырцов, была узником Саласпилского лагеря. Иван Петрович заинтересовался сборником, написал об этом Захару, рассказал о себе.

В городе, летописцем которого является, он живет с 1952 года. В 2002 выпустил книгу «История Зилупе», а в 2006 книгу «Мы прошли дорогами страданий», которую прислал Захару. Сейчас Сырцов трудится над рукописью о трагедии евреев Зилупе.

В 1992-2000 годах Иван Петрович работал председателем Земельной комиссии, познакомился с людьми, которые подробно рассказывали ему о своих соседях и родственниках – жителях Зилупе, евреях, уничтоженных фашистами. Со многими свидетелями этой трагедии, покинувшими город, Сырцов вел переписку, получая от них дополнительную информацию.

По просьбе Захара Иван Петрович узнал о судьбе некоторых Фонаревых – жителей Зилупе и прилегающих волостей.

Здесь И.П. Сырцов упоминает ряд имен Фонаревых, о которых мы уже писали. Но мы решили сохранить их, хотя это и будет повтором.

По сведениям, полученным от Сырцова, в городе Зилупе и Нерзенской волости проживали до 1941 года следующие Фонаревы:

1. Фонарев Ицик (1873) (*Здесь и далее в скобках год рождения*)
Фонарева Луба (1879) – жена
Фонарева Добка (1909) – дочь
Фонарева Мерка (1916) – дочь
(все четверо погибли)
Фонарев Гершон (1920) – сын. В 1941 году бежал в Россию.
2. Фонарев Бенцион (1868). Скончался до 1941 года.
Фонарева Фрума (1873) – жена. Погибла от рук фашистов.
Фонарева Зельда (1918) – дочь. В 1937 году уехала в Палестину.
3. Фонарева Тауба (1877) – мать. Умерла в 1938 году.
Фонарева Эстер (1906). Учительница. Погибла.
Фонарева Фрида (1909). Уехала в Палестину.
4. Фонарев Сендер (1907). Погиб на фронте.
Голандская Лея – сестра Сендера. Осталась жива.
5. Дымант Залка (1877)
Дымант Песья (1880) – жена
Фонарев Рова (1922) – сын
Фонарев Неух (1924) – сын
Фонарев Лейба (1925) – сын

В Нерзенской волости, по латвийской переписи 1935 года, шесть Фонаревых жили в поселке Нерза, одиннадцать – в деревне Скрини. В основном, занимались земледелием, некоторые содержали мелкие лавки, жили все не богато. Вот список Фонаревых из Нерзы, Скрины и Мортени:

1. Фонарев Исак (1869) – глава семьи.
Место жительства – д. Мортени. Род занятий – с-е хозяйство.
Фонарева Сарива (1869) – жена
Фонарев Идель (1912) – сын
Фонарева Туба (1915) – дочь
2. Фонарев Файбиш (1860) – глава семьи.
Место жительства – д. Мортени. Род занятий – земледелие.

Фонарева Бронислава (1912) – дочь

3. Фонарев Моисей (1892) – глава семьи.
Место жительства – д. Мортени. Род занятий – с-е хозяйство.
Фонарева Вицка (1890) – жена
Фонарев Залка (1922) – сын
Фонарева Рива (1923) – дочь
Фонарева Тупка (1926) – дочь
4. Фонарев Моисей (1889) – глава семьи.
Место жительства – д. Скрини, (семья нашего дяди)
Фонарева Соня (1898) – жена Моисея Залковича, (Березовка)
Фонарева Берта (1925) – дочь
Фонарева Зелда (1927) – дочь
Фонарев Залка (1929) – сын
Фонарева Луба (1931) – дочь
Фонарев Ехаб (1935) – сын
Гасулис Нафтал (1870) – тесть
Гасулис Роха (1868) – теща
5. Фонарев Самуил (1897) – глава семьи.
Место жительства – п-к. Нерза. Род занятий – магазин промтоваров.
Фонарева Тана (1898) – жена
6. Фонарев Израел (1887) – глава семьи.
Место жительства – п-к. Нерза.
Фонарева Циля (1898) – жена
Фонарева Лея (1878) – член семьи, продавщица в магазине
Фонарев Генох (1908) – сын

Сырцов сообщил ряд подробностей о судьбе нескольких членов клана Фонаревых в Нерзенской волости. Некоторые успели эвакуироваться перед самым приходом немцев, все оставшиеся были уничтожены.

Среди эвакуированных:

Фонарев Израел, его жена Циля – из поселка Нерза.
Фонарев Исак, его жена Сарива, сын Идель,
дочь Тумба – из деревни Мортени.

Фонарев Моисей, его жена Бунка, сын Залка, дочери Рива и Тупка – из деревни Мортени.

Были расстреляны:

Из поселка Нерза: Фонарева Лея и ее сын Генох;

Фонарев Самуил и его жена Тана.

Из деревни Мортени: Фонарев Файбиш, его дочь Бронислава и двое ее детей.

Иван Петрович сообщил и об уничтожении семьи нашего дяди Моисея Залковича Фонарева, но об этом подробно рассказывается в сборнике.

Сырцов приводит слова очевидца расстрелов Анны Ульбик, проживавшей в деревне Даучули рядом с деревней Мортени:

В конце июля 1941 года рано утром по дороге мимо нашего дома полицаи гнали евреев из Мортени – семью Файбиша Фонарева, его дочь Брониславу, которая вела за руки двоих своих сыновей, 4-х и 5-ти лет. Дети плакали, мать кричала. Мой отец, услышав этот шум, разбудил всю семью. Я все это видела. Примерно через час из Нерзы были слышны выстрелы.

В мае 1944 года на место расстрела евреев в поселок Нерза приехала спецмашина с немцами. Они привезли с собой группу советских военнопленных, которых заставили отрыть трупы и сжечь их. Затем этих военнопленных тоже расстреляли. Их трупы фашисты сожгли уже сами.

Наиболее полные сведения о гибели евреев Зилупе сообщил писатель Арон Шнеер:

Город Зилупе (Лудзенский район Латвийской республики) находится на границе Латвии и России, в 34 километрах от Себежа.

По переписи 1935 года в городе проживало 1529 жителей, из них 471 еврей – 30,08%. С 5 августа 1940 года Зилупе входил в состав Латвийской ССР.

Во время массовых арестов, проведенных в Прибалтике 14-15 июня 1941 года, в Зилупе было арестовано и депортировано 4 еврея, один из них Ваверс Авраам – латыш, бывший офицер латвийской армии, перешедший в иудаизм.

С началом войны, в надежде перебраться в Россию, в Зилупе устремились тысячи беженцев из разных районов Латвии и Литвы. Однако переход был затруднен тем, что через границу пропускали в первую очередь коммунистов, комсомольцев, советских работников и членов их семей. Поэтому многие из беженцев-евреев остались в Зилупе и окрестных деревнях. Точное их число неизвестно. 27 июня 1941 года город и железнодорожная станция, на которой скопились эшелоны с беженцами из Риги, подверглись сильной бомбардировке. Очевидцы говорят о десятках убитых, среди которых было много евреев. И все-таки около 200 местных евреев, включая раввина Нехамкина, успели покинуть город. Около 30 евреев из числа эвакуированных в годы войны, служили в рядах 201-й Латышской стрелковой дивизии.

Немецкие войска заняли город утром 4 июля 1941 года. На следующий день была сформирована местная вспомогательная полиция во главе с Межуком, вскоре его сменил Янис Гравит. Однако, в отличие от других районов Латвии, из-за того, что в Зилупе преобладало русское население, в составе местной полиции было всего несколько представителей «коренной нации». Городским главой назначили Михаила Никитина.

В середине июля 1941 года оставшихся в Зилупе евреев переселили в специально отведенный квартал у Базарной площади. В основном, евреи были размещены в пожарном депо и в доме Либермана. Точное их количество неизвестно, кроме местных в гетто оказалось много евреев-беженцев. Все они были обязаны носить на груди и на спине могондавиды. Местным жителям общаться с евреями запрещалось. Квартал охранялся полицейскими. Среди евреев распространился слух, что их собрали для вывоза в Палестину. Мужчин каждый день водили на работы по расчистке развалин после бомбежки и сбору снарядов, разбросанных по большой территории после взрыва советского воинского эшелона.

Оставленные в домах вещи были разграблены айзсаргами и полицейскими, активное участие в присвоении имущества приняли и местные жители.

Массовое истребление евреев началось в начале августа 1941 года. Почти ежедневно расстреливали по 20-30 человек. Первая группа евреев мужчин – 17 человек, была уничтожена неподалеку от Зилупе, в деревне Ракшино, в березняке рядом с хутором Динабургским, в 50 м. от дороги, идущей из Зилупе в село Бриги. Обреченных привезли ночью на двух машинах, заставили вырыть себе могилу, а затем расстреляли.

Последующие ликвидации проходили на Заболотском кладбище, в трех километрах от Зилупе. Все эти расстрелы проводились местными полицейскими.

Самый массовый расстрел произошел там же 24 августа 1941 года. Всего в этом месте уничтожено около 500 евреев. 350-400 человек были приведены из гетто Зилупе, а остальных 100-150 человек схватили в окрестных деревнях. Вероятно, большинство арестованных были беженцами, нашедшими временный приют у крестьян.

К месту расстрела, группами по 30-40 человек, обреченных конвоировала местная полиция. Каждую группу охраняли по 3-4 полицейских, вооруженных винтовками. Стариков, больных и детей привезли на машинах, закрытых брезентом.

Перед расстрелом людей заставляли раздеваться до нательного белья. Часть вещей прямо на месте распределялась между убийцами, часть перевозилась на специальный склад.

Для участия в расправе прибыла группа убийц из команды Арайса. Во время расстрела в вырытых могилах развели костры и заставляли стариков прыгать через эти ямы. Люди падали в огонь и сгорали заживо. Грудных детей брали за ноги и били головой о голову. Расстреливали из пулемета, автоматов и винтовок. Из местных полицейских в расстреле принимали участие 10-11 человек. Среди них: Ц. Мутьянко, Ф. Савельев, Э. Зеленко, К. Захаренко, Орехов, Кутвенко, Телипп, Позич. Руководил расстрелом начальник полиции Я. Гравит, присутствовал и городской голова М. Никитин.

Кроме евреев в Зилупе были расстреляны 6 местных активистов и несколько советских военнопленных.

Из зилупских евреев, оказавшихся в оккупации, спаслись двое: братья Ицхак и Бейнес Ляховские. Два месяца они скрывались у знакомого крестьянина в деревне Маслово неподалеку от Зилупе, а затем направились на восток и смогли перейти линию фронта наподобие от Ржева.

18 июля 1944 года Зилупе был освобожден войсками Красной Армии.

После войны в Зилупе проживало несколько еврейских семей. С середины 70-х годов евреи в этом городе не проживают.

Памятный обелиск на месте массового расстрела евреев был установлен в 1962 году по инициативе родственников.

Информация, которую использовал Арон Шнеер, получена им из архива Яд-Вашем, дело М-33/1036, Л.Л. 263-290, а также из воспоминаний

жителей Зилупе Б. Авербуха и И. Бахмата.

О гибели евреев Лудзы в документально-пристрастном повествовании Арона Шнеера в 11-й главе.

Немцы вошли в Лудзу уже на одиннадцатый день войны, 3 июля 1941 года, и только 23 июля 1944 года советские войска освободили город.

Убийства евреев продолжались до августа 1942 года, но основной расстрел был произведен 17 августа 1941 года.

* * *

Часть II: Глава 11

ГИБЕЛЬ ЕВРЕЕВ ЛУДЗЫ ПО ДОКУМЕНТАЛЬНО-ПРИСТРАСТНОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ АРОНА ШНЕЕРА

Эта глава о неимоверных, нечеловеческих страданиях, выпавших на долю евреев Латгалии, главным образом, Лудзы. Нельзя без содрогания и мучительной боли читать эти строки.

В Лудзу фашисты вошли 3 июля 1941 года. В первый же день немцы приказали создать латышскую комендатуру.

Вначале репрессии обрушились на евреев, беженцев из Литвы и тех районов Латвии, откуда они не успели вовремя эвакуироваться и застряли в Лудзе. Среди беженцев были Ольга Савельевна Гришкан, которая до войны работала в аптеке в городке Скайсткальне Бауского уезда, и ее муж Михаил Хейфец. Они появились в Лудзе, где жили родственники Ольги Савельевны, 3 июля 1941 года. Михаил Хейфец был в дороге ранен осколками авиабомбы.

Гришкан посчастливилось выжить, и в сентябре 1944 года она рассказала Чрезвычайной комиссии о том, что происходило в Лудзе в 1941 году.

4 июля 1941 года самоохраной были арестованы и помещены в тюрьму все беженцы евреи и активисты неевреи, бежавшие из разных концов Латвии. Начальником тюрьмы стал Купровский, а его помощником – Баркан. В течение трех суток заключенных избивали, морили голодом. «Над нами издевалась пьяная тюремная стража, состоявшая исключительно из латышей», – вспоминает О. Гришкан.

12-13 июля из тюрьмы освободили уроженцев Лудзы – неизвестную женщину, Ольгу Гришкан, и двоих мужчин – Александра Григорьевича Левина и Соломона Суера. Всех остальных, в большинстве, женщин с детьми, всего около 150 человек, оставили в тюрьме.

Через несколько дней, предположительно в ночь на 15 июля, часть

арестованных расстреляли неподалеку от кирпичного завода. Был убит и муж Ольги Гришкан.

Под гетто был отведен квартал между улицами Латгальской, Костельной и Вентспилской до улицы Кришьяна Барона. Начальник полиции Рекстыньш пояснил, что 20 июля до 22 часов необходимо собрать сюда всех евреев.

В сборе евреев и организации гетто принимали участие сотрудники латышской комендатуры: П.Ковалевский, Завар, работавший до войны в Карсаве заведующим потребительским обществом, Самушев – районный фельдшер лет 45, уроженец Звиргзденской волости, деревни Кушнеровки; Иван Чекстер, Франц Крейштан, Александр Павловский, Александр Больиевич, Михаил Абрицкий, работавший пригонщиком скота, Захарс, служащий телефонной станции, Иван Павловский, который потом состоял в полиции и имел звание старшего лейтенанта, а также его сын Генрих, Станислав Ливман лет 22, потом он служил в латышском легионе СС, был ранен, Рихард Рименовский, Рунцанс, около 22-х лет, из Мердзенской волости, Михаил Столбошинский, Михаил Слудер – учитель средней школы; Алситис – начальник пожарной команды.

Новые, неожиданные сведения об Алситисе прислала из Германии Милита Зинабург (Суэр). Она рассказала, что все три года немецкой оккупации Алситис знал у кого и где скрывается семья Соломона Суэра, несколько раз присылал им еду и теплую одежду.

Квартал, выделенный для гетто, не огородили, однако вывесили доски черного цвета, сантиметров по 30 как в длину, так и в ширину, на которых желтой краской нарисовали шестиконечные звезды и написали: «Юден – форботен!» (Евреи – запрещено!). Всего в гетто было согнано 800-900 евреев, включая женщин, детей и стариков. Расселили людей по квартирам отведенного квартала

Вначале евреи питались тем, что у них было с собой. Потом комендатура гетто послала в Нерзенскую волость людей. В хозяйстве Моисея Фонарева была зарезана корова, мясо которой доставили в гетто. Спустя несколько дней в квартале открыли магазин потребительского общества, в котором продавали все то, что выделяли населению по карточкам, но нормы при этом были урезаны.

Из свидетельских показаний В. Эглитиса от 20 сентября 1944 года:

«Гетто строго охранялось полицией, изолированные в нем евреи должны были носить клеймо на груди и спине в виде черного круга с

желтой шестиконечной звездой, хождение по тротуарам евреям было запрещено. Движение только по мостовой».

Как рассказывали другие местные жители, евреев использовали первое время на самых грязных и тяжелых работах. Пожилым людям поручали непосильный труд, при этом их еще и жестоко избивали. Немцы заставляли старух мыть автомашины и подгоняли их ударами плеток. Врачей принуждали чистить уборные и мусорные ящики.

Из свидетельских показаний О. Гришкан от 21 сентября 1944 года:

«Охраняли нас исключительно латышские полицейские: Михаил Столбошинский, Генрих Павловский, Станислав Ливман, Павел Ковалевский, Бруно Заур, Янис Цируль и другие».

Из протоколов допроса П. Ковалевского от 17-22 августа 1944 года:

«До какого времени просуществовало гетто, я не знаю. В сентябре 1941 года я поехал учиться в город Резекне. К тому времени евреев в гетто оставалось очень мало. Большая часть уже была расстреляна. При расстреле первой партии я присутствовал, тогда было расстреляно 35 евреев. Это было вскоре после организации гетто, когда я работал еще писарем комендатуры гетто, а комендантом был Заварс. Как-то часов в 7 вечера Заварс встретил меня и заявил, что мне надо будет собрать в комендатуру гетто нетрудоспособных евреев, ибо на это есть приказ немецкого коменданта.

По заданию Заварса я собрал 8-10 человек, может быть, немного больше. Среди них был Коган, старше 60 лет. Был еще главный еврейский священник, фамилии его не помню».

Расстрел 17 августа 1941 года. Из показаний В. Эглитиса:

«Рано утром в гетто прибыло большое количество полицейских, которые всех евреев стали выгонять на улицу и строить в одну колонну. Полицейские заставляли евреев брать с собой вещи, поясняя, что их будут направлять на работу. Когда евреи были собраны, полицейские погнали колонну по направлению к мосту. Чувствуя, что их гонят на расстрел, евреи подняли шум и многие из них стали бросать взятые с собою вещи, которые подбирала полиция. Колонна была остановлена у дома коменданта гетто Ладусана. Ладусан уверял евреев, что их направляют на работы, и что никаких расстрелов не будет. Заставляя толпу замолчать и не шуметь, он отдал приказ полицейским предупредить шумевших вы-

стрелами из винтовок. Затем евреев погнали дальше по Звиргзденскому шоссе в район озера Цирма. Через несколько часов в городе Лудза была слышна пулеметная и ружейная стрельба – это расстреливали евреев. При первом массовом расстреле было убито 830 человек».

На месте расстрела распоряжались начальник городской полиции Янис Оше, старшина уезда Антон Рушко и городской голова Антон Каупуж. Расстреливали лудзенских евреев в 7 км от города, у деревни Погулянка, неподалеку от озера Цирма. Убивали отдельными группами. Пока одну уничтожали, другую раздевали. Специально прибывшая команда латышей расстреливала людей «из двух станковых и двух ручных пулеметов русского образца». Но местные полицейские и айзсарги уже поднабрались опыта и не отставали. Полицейские Янис Турке и Михаил Столбошинский стреляли из винтовок, а айзсарг Владислав Островский – из пулемета, причем, после каждой уничтоженной группы «зло смеялся над расстрелянными». Затем начальник тюрьмы Купровский и надзиратель Шкирманд прошли вдоль рва и добивали еще живых из наганов.

После этого расстрела в Лудзе оставалось еще около двухсот евреев. О. Гришкан рассказывает, что в октябре 1941 года около 120 евреев отправили в Даугавпилс. Часть группы оставили в Резекне, где через неделю расстреляли. Об этом рассказали Ольге бежавшие оттуда Таубе Израелит и Рахиль Левина.

Третий массовый расстрел проходил вечером 13 ноября 1941 года у деревни Котани, в 12 км от Лудзы по Резекненскому шоссе. На этот раз уничтожили около 50 политических заключенных из Лудзенской тюрьмы, а также евреев: женщин, детей и стариков, привезенных на трех машинах из Резекне.

Последние еврей-специалисты (врачи, механики, заготовщики), 26 человек, были расстреляны по сведениям О. Гришкан 2 апреля 1942 года в Гарбаровском лесу неподалеку от города. Можно предположить, что в числе этой группы был и доктор Гуревич. Основанием для такого предположения служат сведения, полученные от Милиты Суер. Она рассказывает, что «доктор Гуревич был другом моего папы, и он знал, что мы собираемся спастись. Папа предложил и ему поехать вместе, а потом перебраться к партизанам. Доктор Гуревич ответил: «А как же мои больные? Я не могу их оставить». Так он их и не оставил, и его расстреляли

в последней акции».

Уничтожение этих людей произошло уже после бегства из гетто 20 ноября 1941 года Соломона Суэра с семьей и Ольгой Гришкан, у которой 27 августа были расстреляны ее мать и брат с семьей. Но последними убитыми в городе Лудза евреями были жена и сын Виталия Эглитиса, расстрелянные в августе 1942-го года.

СПАСЕНИЕ.

Из показаний О. Гришкан от 21 сентября 1944 года:

Ольга Гришкан прожила в гетто до 20 ноября 1941 года, она была нужным специалистом-фармацевтом. Таким же необходимым специалистом был, вероятно, и Соломон Суер. 20 ноября 1941 года Ольге Гришкан и семье Соломона Суера удалось бежать из гетто.

«У Суера был знакомый сослуживец, Кукревич Антон Антонович, который взялся спасти нас. Нам удалось убежать, и скрывались мы в деревне Медяшки Звиргзденской волости у Кукревич. Жили мы в яме. Мать Антона, Адель Кукревич, нас кормила, и много раз ее находчивость спасала нам жизнь».

Семья Соломона Суера после войны жила в Риге. В 1956 году Соломон умер. После долгих поисков удалось связаться с его дочерью Милитой, которая вместе с 83-летней матерью, ирония судьбы, ныне проживает в Германии. В январе 1999 года Арон Шнеер получил из Германии бандероль, в которой находилась аудиокассета с рассказом Милиты о спасении. А. Шнеер ничего не изменил в повествовании Милиты, стремился сохранить ее стиль, только несколько раз дополнил рассказ фактами известными ему из других источников.

Из воспоминаний Милиты Зинабург (Суер):

«Мы жили в доме на берегу озера. У нас был большой и красивый дом. Жил с нами нотариус Янитис. Мы считали его своим другом. Но когда пришли немцы, он постарался, чтобы нас одних из первых внесли в список для отправки в гетто. Уж очень ему хотелось захватить фотолабораторию папы. Другой латыш, тоже приятель папы, нам об этом сообщил. Осенью 1941 года мы жили в изоляторе с мамой, папой и сестричкой, которая родилась 5 июня 1941 года. Изолятор был в дедушкином доме на Вокзальной, 19. Туда однажды и пришел Антон Кукревич, знакомый Соломона, работавший в полиции электриком, он сказал, что вывезет его

семью, а также Ольгу Гришкан к своей матери. Там надо будет прожить несколько недель, а потом, получив документы, он отправит всех в

Белоруссию и переправит к партизанам. Правда, никаких фактов или документов о подпольной деятельности Антона мне неизвестно. Одно свидетельствует в его пользу, то, что после освобождения Лудзы в июле 1944 года Кукревич не подвергся никаким репрессиям, несмотря на работу в полиции. Одно спасения евреев для этого было мало».

Несколько слов о матери Антона. Ее звали Адель, в юности батрачила у богатого польского крестьянина. Хозяин влюбился в свою работницу, и они поженились. Пятеро новорожденных детей у Адели умерли прежде, чем родился Антон. Муж Адели умер до войны, оставив в наследство жене и сыновьям много земли и богатый хутор. После Антона родился еще один мальчик. Адель согласилась спасти семью Суэр, но была ревностной католичкой. «Она не хотела спасать евреев, а считала, что спасать надо только христиан».

«Мы крестились. Крестил нас тогдашний лудзенский ксендз, очень приличный человек. Он знал где мы скрываемся, и регулярно на большие праздники присылал нам корзину еды. Мне казалось, что корзина такая большая и в ней всегда было так много вкусных вещей. После войны этого ксендза арестовали и сослали в Сибирь. Папа ходил по разным инстанциям, доказывал, что ксендз в годы войны помогал спасать еврейскую семью, ничего не помогло. В году 57-58 ксендз вернулся очень больным и вскоре умер».

Из всего еврейского населения Лудзы, находившегося в городе к моменту его оккупации, в живых остались спасенные семьей Кукревич Семен Суер, его жена Гертруда, их дочь Милита и Ольга Гришкан.

Точное число уничтоженных лудзенских евреев установить невозможно. По данным Акта Чрезвычайной комиссии от 20 декабря 1944 года «в городе Лудза истреблено более 1200 евреев». Из этого числа около 200 человек были беженцами из различных районов Латвии и Литвы. Имена только трех человек из этих двухсот дошли до нас: Михаил Хейфец – муж О. Гришкан, Израиль Рейнгеверт и его жена Элка Рейнгеверт, бежавшие из Краславы в Лудзу к отцу Элки – Залману Лоцеву.

Вероятно, в лудзенское гетто были привезены и некоторые евреи из ближайших к городу окрестностей. Так из деревни Ковалишки, что в 6 км от Лудзы, «добрыми соседями» был посажен на телегу и доставлен в гетто вместе с парализованной женой Брайной Моисеевной Фонарев

Рафаил Яковлевич, 50-60 лет. Брайну Фонареву расстреляли 17 августа 1941 года, а Рафаила использовали на различных работах до весны 1942, после чего тоже уничтожили.

Судьбу евреев разделили 130 цыган, постоянных жителей Лудзы – мужчин, женщин, детей и стариков, которых в ночь с 5 на 6 января 1942 года арестовали и заключили в пустых магазинах на улице Базникас. Опасаясь возможного сопротивления со стороны цыган, было принято решение одурманить их каким-то газом. Исполнил этот приказ фельдшер горбольницы Аткалаис, работавший при немцах дезинфектором. В результате, в ночь с 5 на 6 января многие цыгане ослепли, а некоторые дети умерли. Утром 6 января 1942 года их в полубессознательном состоянии отвезли в Гарбаровский лес и всех расстреляли.

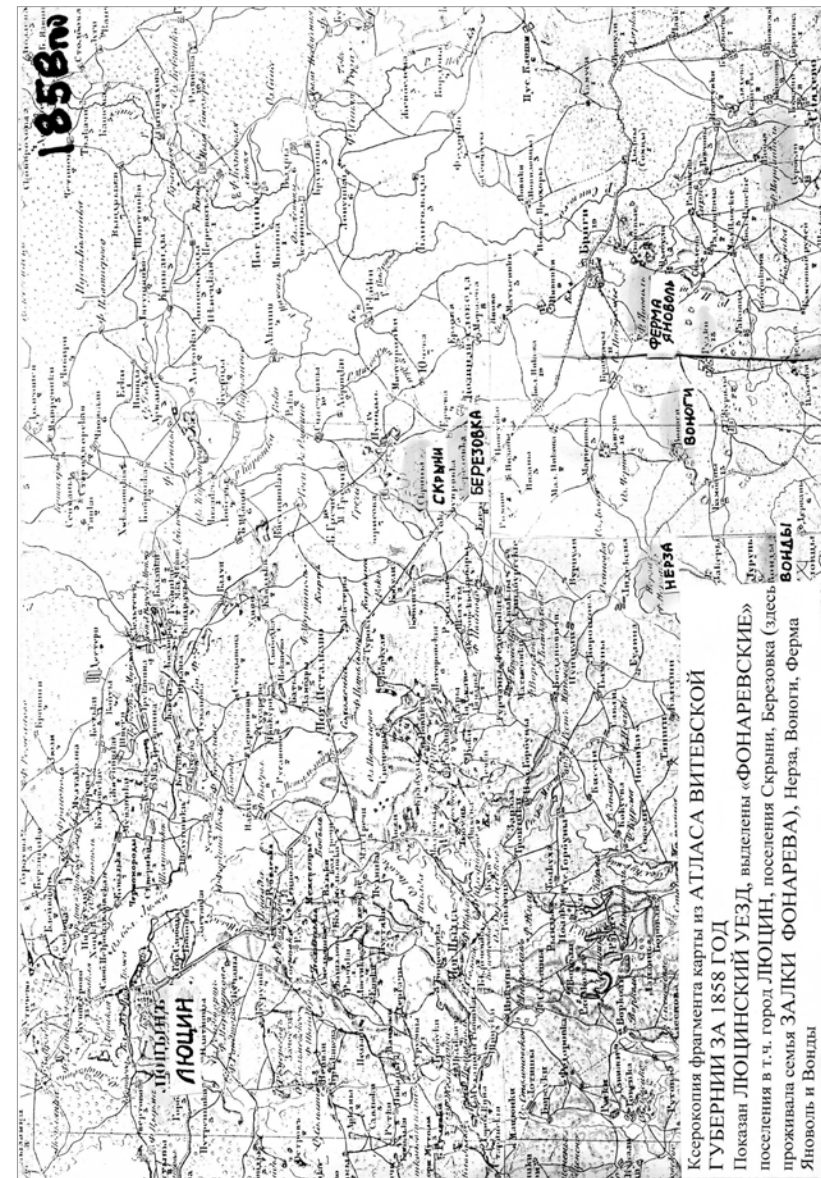
За годы немецкой оккупации в Лудзе было также расстреляно около 125 коммунистов, комсомольцев, бывших советских работников, заложников – людей различных национальностей.

В мае 1944 года место убийства евреев в Погулянке возле озера Цирма было оцеплено немцами и строго охранялось. Вскоре могила евреев была вскрыта, и в течение нескольких дней группа закованных в кандалы неизвестных узников занималась сожжением останков, после чего и сами эти люди были расстреляны.

По словам С. Суэра, сохранились только небольшие могилы, в каждую из которых были сброшены расстрелянные группами от 5-10 до 40 человек. Так, предположительно, сохранилась могила с телами евреев, убитых в июле-августе 1941 года в деревне Ричики.

23 июля 1944 года город Лудза был освобожден Красной армией.

* * *

Витебская губерния 1858г.

Ксерокопия фрагмента карты из АТЛАСА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1858 ГОД. Показан ЛЮДИНСКИЙ УЕЗД, выделены «ФОНАРЕВСКИЕ» поселения в т.ч. город ЛЮДИН, поселения СКРЫНИ, БЕРЕЗОВКА (здесь проживала семья ЗАЛКИ ФОНАРЕВА), НЕРЗА, ВОНОГИ, ФЕРМА ЯНОВЬ И ВОНДЫ

Семья второго сына Залки Фонарева – Ицика, 1930г.

Семья Бенциона Залковича Фонарева, 1935г

Бенцион и Фрума Фонаревы, Зелупе, 1930г.

Моисей – сын Бенциона Залковича. В 1941 году попал в немецкий концлагерь. Здесь ему повезло. Как искусный дамский парикмахер, Моисей обслуживал офицеровских жен. В 1945 году, при отступлении немцев, сумел бежать и был вывезен в Америку проживая.

Залман – сын Бенциона Залковича Фонарева. Погиб при бомбежке в 1941 году. В конце этого же года фашистами была уничтожена и вся

Сыновья Бенциона Фонарева – Моисей и Залман

1885 г.

№ п/п	Прованье (или фамилия) моя и отчество лица мужского пола.	Возраст в годах, месяцах и днях.	Состояние.	Отечество.	Образование.	Условия жизни.
1	Павел Израилевич	57				
2	Анна Павловна	36				
3	Завелья Ицковна	15				
4	Михаил Павлович	2				
5	Александр Павлович	1				
6	Евгений Павлович	1				
7	Вера Павловна	1				
8	Геннадий Павлович	1				
9	Лена Павловна	1				
10	Лев Павлович	1				
11	Александр Павлович	1				
12	Евгений Павлович	1				
13	Вера Павловна	1				
14	Геннадий Павлович	1				
15	Лена Павловна	1				
16	Лев Павлович	1				
17	Александр Павлович	1				
18	Евгений Павлович	1				
19	Вера Павловна	1				
20	Геннадий Павлович	1				
21	Лена Павловна	1				
22	Лев Павлович	1				
23	Александр Павлович	1				
24	Евгений Павлович	1				
25	Вера Павловна	1				
26	Геннадий Павлович	1				
27	Лена Павловна	1				
28	Лев Павлович	1				
29	Александр Павлович	1				
30	Евгений Павлович	1				
31	Вера Павловна	1				
32	Геннадий Павлович	1				
33	Лена Павловна	1				
34	Лев Павлович	1				
35	Александр Павлович	1				
36	Евгений Павлович	1				
37	Вера Павловна	1				
38	Геннадий Павлович	1				
39	Лена Павловна	1				
40	Лев Павлович	1				
41	Александр Павлович	1				
42	Евгений Павлович	1				
43	Вера Павловна	1				
44	Геннадий Павлович	1				
45	Лена Павловна	1				
46	Лев Павлович	1				
47	Александр Павлович	1				
48	Евгений Павлович	1				
49	Вера Павловна	1				
50	Геннадий Павлович	1				
51	Лена Павловна	1				
52	Лев Павлович	1				
53	Александр Павлович	1				
54	Евгений Павлович	1				
55	Вера Павловна	1				
56	Геннадий Павлович	1				
57	Лена Павловна	1				
58	Лев Павлович	1				
59	Александр Павлович	1				
60	Евгений Павлович	1				
61	Вера Павловна	1				
62	Геннадий Павлович	1				
63	Лена Павловна	1				
64	Лев Павлович	1				
65	Александр Павлович	1				
66	Евгений Павлович	1				
67	Вера Павловна	1				
68	Геннадий Павлович	1				
69	Лена Павловна	1				
70	Лев Павлович	1				
71	Александр Павлович	1				
72	Евгений Павлович	1				
73	Вера Павловна	1				
74	Геннадий Павлович	1				
75	Лена Павловна	1				
76	Лев Павлович	1				
77	Александр Павлович	1				
78	Евгений Павлович	1				
79	Вера Павловна	1				
80	Геннадий Павлович	1				
81	Лена Павловна	1				
82	Лев Павлович	1				
83	Александр Павлович	1				
84	Евгений Павлович	1				
85	Вера Павловна	1				
86	Геннадий Павлович	1				
87	Лена Павловна	1				
88	Лев Павлович	1				
89	Александр Павлович	1				
90	Евгений Павлович	1				
91	Вера Павловна	1				
92	Геннадий Павлович	1				
93	Лена Павловна	1				
94	Лев Павлович	1				
95	Александр Павлович	1				
96	Евгений Павлович	1				
97	Вера Павловна	1				
98	Геннадий Павлович	1				
99	Лена Павловна	1				
100	Лев Павлович	1				

1 Ревизской сказки 1858 года, включающие семьи Ицника Яковлевича Фонарева и его потомков
 2. Прошения Завелия Ицковича Фонарева, поданного в 1854 году управлению Витебской палаты казенных имуществ
 3. 1. страница РЕВИЗСКОЙ СКАЗКИ № 241 переписи в 1858 года в деревне МОРТЫНИ, включающая семью ФОНАРЕВА ИЦНИКА ЯНКЕЛЕВИЧА 57 лет, в.т.ч. его сына ЗАВЕЛЯ МОВШУ 36 лет, его сына ЗАЛКУ 15 лет и его сыновей, родившихся после 1858 года БЕНЦИОНА, ИЦНИКА, ШЕВЕЛЯ (САУЛА), ЛЕЙБУ, МОВШУ (МОЙСЕЯ), ИЗРАИЛЯ
 2. фрагмент ПРОШЕНИЯ ЗАВЕЛЯ ИЦКОВИЧА ФОНАРЕВА от 1854 года управлению ВИТЕБСКОЙ ПАЛАТЫ государственных имуществ

Из ревизской сказки 1858 года. Семья Израйля

Саул (Павел) Фонарев и его семья

Фрума

Внуки Залки: Надя, Миша, Соломон и Вера и их дети у могилы Залки

«Лудла, памятник нашего дела Залки Фонарева, умершего в 1926 году. Могила найдена с помощью раввина Мордехая Глазмана. Нина, Надя Шашура – внучка Залки, Миша Ольберг – внук Залки, Михаил Фонарев и его отец Соломон, Вера Ольберг – внучка Залки. Снимок сделан в 1996 году.»

Илья Фонарев с родителями, бабушкой и братом Вольфом

Илья Фонарев, наш родственник, родился в 1922 году в деревне Мортони. На фото 1928 года с родителями и бабушкой, которые были в 1941 году уничтожены фашистами. Илья в составе Латышской дивизии сражался с фашистами, был тяжело ранен. После демобилизации и освобождения Риги был призван в войска КГБ в качестве переводчика в военном трибунале, судившем латышских карателей. Проживает в Израиле.

Бутманы и Фонаревы в Ленинграде накануне войны

Этот снимок сделан в 1931 году, Бутманы совсем недавно переехали в город на Неве из Пустошкинской глубинки. После эвакуации семьи Израэля из Ленинграда эта фотография осталась брошенной комнате на улице Ракова. Снимок чудом сохранился, но угол у него был оторван.
В нижнем ряду: Эстер-Гайла, Роза Берновская – мать Марии, наша бабушка Хая-Лей, Софья Михайловна и ее муж Мотл. Стоят: Зуся Свердлов – брат Марии, Израэль Фонарев, Мендель Бутман и его жена Мария (в девичестве Свердлова), у них на руках дочка Диночка, Давид Бутман (дядя Доди), крайний справа – Хаим-Бер.

Зельда и Рахмил Сондек с детьми, 1964г.

Киббуц Кфар-Блюм. 1964 год.
Зельда и Рахмил Зондеки с детьми Эйнодом, Ривкой, Шаулом.

Ревекка Залковна Герштейн – урожденная Фонарева, младшая сестра Израэля Фонарева. Тетя Рива, как мы ее называли, в 1942 году оставшись одна после смерти мужа, вырастила двух прекрасных сыновей – Самуила и Иосифа. В 1945 году она приехала в Ленинград, привезла много вкусных продуктов, научила изготавливать мыло, что в те тяжелые времена дало нам хороший приработок. Тетя Рива родилась в 1895 году, а скончалась в 1980.

Израэль Фонарев с сыном Леонардом и племянником Самуилом, (сыном Ривы (Ревекки) Герштейн, урожденной Фонаревой (сестрой Израэля))

Тетя Рива Герштейн (Фонарева).
Самуил Герштейн, Леонард, Израэль.

Иосиф и Лиля Герштейн с детьми и сестрой Полиной Иобидзе

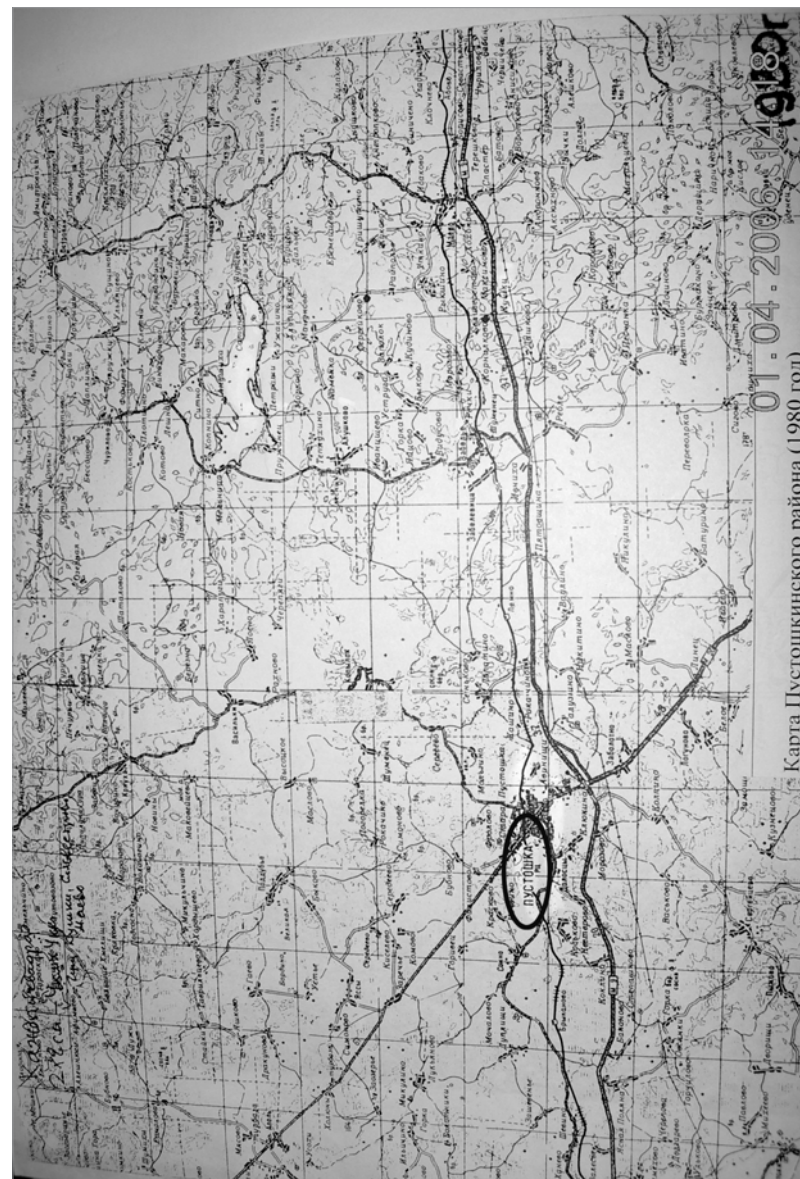
Иосиф Герштейн, 2000г.

Израиль, Ганя, Захар и Соломон Фонаревы и племянник Гриша с женой Ривой в Ленинграде

Моисей Фонарев с женой, Леонард и Соня Фонаревы с сыновьями Ильей и Мишей

Карта Пустошкинского района

Арон Шнеер,
2006 год,
Иерусалим

Писатель Арон Шнеер. В настоящее время работает в музее Катастрофы «Яд ва-Шем». Исследовал и опубликовал материалы о геноциде евреев в Латвии и, в частности, в Лудзе и в Зилупе, которые используются нами в сборнике. Свои повествования о гибели евреев он назвал пристрастными, потому что писать о трагедии евреев без сердечной боли нельзя. Ряд трудов А. Шнеера посвящены прошедшей войне 1941-1945 годов, в том числе немецким военнопленным.

Гидель Бутман,
2006 год, Иерусалим

Гидель Бутман – писатель, автор книги о «самолетном деле» «Ленинград – Иерусалим с долгой пересадкой» и книги «Время молчать и время говорить». Гидель – исследователь рода Бутманов из Невельского уезда Витебской губернии, главным образом, из г. Пустошки. Создал уникальную генеалогическую таблицу, включающую более 100 членов бутмановского клана. В создании этой таблицы участвовала Мила Белецкая – дочь Семена Бутмана.

Иван Сырцов,
2008 год,

Краевед и писатель, историк Зилупского края, Иван Петрович Сырцов. В 2002 году издал книгу «История Зилупе», а в 2006 году вышел его сборник «Мы прошли дорогами страданий». Сейчас Иван Петрович закончил рукопись о гибели евреев Зилупе, которая должна быть в ближайшее время напечатана. От И.П. Сырцова мы узнали о судьбе и гибели многих евреев Зилупе, в том числе и о наших ближайших родственниках. Обо всем этом рассказывается в нашем сборнике.

Арон Шнеер. Гидель Бутман. Иван Сырцов.

В 1996 году Захар Фонарев с женой Александрой, Соломон Фонарев с женой Тamarой, Михаил и Леонард Фонаревы побывали в кибуце Кфар-Блюм, у гостеприимной семьи Зельды Зондек (дочери Бенциона) и Рахмила Зондек.

В гостях у Зельды и Рахмила Сондек, 1996г.

Иосиф Герш Семен Бутман, Захар, Мила Белецкая, Дрора и ее муж, Тамара Фонарева,